

Колдовские



Миры

ПУТЕВОЙ СВЕТЛЯЧОК



Ольга Гусейнова

Annotation

Светлые эльфы высокомерно взирают на темных, те платят им тем же. А если ты родилась от смешанного брака и от темной эльфийки в дополнение к белокурым волосам и целительскому дару получила симпатичные клыки и хвост?.. Правильно, светлый родительсноб наверняка отправит тебя к темной родне, пусть под благовидным предлогом, но подальше, с прекрасных глаз долой, так сказать. А отправляясь в путешествие, будь готова... оказаться на грани смерти, обзавестись приемным сыночком, стать предметом вожделения нахального оборотня и заполучить в попутчики самых невероятных существ этого мира — демонов. А еще будь готова встретить счастье, если интриги и приключения не уведут тебя с верной дороги...

Ольга Гусейнова

Путевой светлячок

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

© Гусейнова О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Выражаю огромную благодарность своей главной помощнице Вере Борисковой. Вера, ты словно добрая нянюшка для моих героев: заботишься о них и не даешь сойти с правильного пути!

Огромное спасибо Елене Звездной. Лена для «Путевого светлячка» — как путевая звездочка: показала ему верную дорожку. Искренняя признательность редактору Маргарите Суменковой за работу над текстом.

А также моя величайшая благодарность моим читателям! Вы — мое вдохновение и Муза! И эта книга для вас.

Демон стоял на краю бездны — в глубине бурлила магма, вспыхивая и взрываясь красными фонтанами; тянулись вверх огненные всполохи. Он мысленно усмехнулся, вглядываясь в жуткую феерию огня. Наверное, именно так жалкие людишки воображают себе ад. Да, уж это точно не райское местечко.

Он еще раз обвел мрачную пещеру черными, как полночь, глазами, внутренне настраиваясь на трудный разговор, а потом достал из-за пояса обычного вида, без всяких украшений, кинжал. Хотя, простым оружие выглядит лишь для взгляда непосвященного. А на самом деле за обладание подобным артефактом слишком многие готовы самих себя продать в рабство на пару столетий. Ведь это — Ратмар, кинжал вызова высших существ. Пусть не богов, но и их знания даруют великую силу. А помощь — всегда ведет к победе.

Демон вытянул руку над бездной и полоснул кинжалом по ладони. Равнодушно наблюдая за струйкой крови, стекающей вниз, тихо прошептал заклинание вызова.

Сущность огня отозвалась быстро — из лопнувшего пузыря магмы вверх устремился мощный огненный столб. Достигнув края, он замер, принимая очертания человеческой фигуры. На месте предполагаемой головы полыхали малиновым цветом два сгустка пламени. Подобия глаз вперились в него с голодным любопытством.

Пещеру заполнил грозный рев:

— Это ты? Все еще жив? Занятно...

Не ожидавший этих слов, да и вообще сомнений в своей жизнеспособности, тяжелым взглядом следил за огненной сущностью — вечно голодной, самой непокорной и непредсказуемой из всех, кого мог вызвать в мир живых Ратмар. Но на кону стояло слишком многое, потому демону и пришлось обратиться за помощью именно к этому Высшему.

— Жив, как видишь! Хотя чему ты удивляешься? Последний раз я вызывал тебя всего три тысячи лет назад. Даже для нас это не срок, а уж для вас — тем более...

Огненная сущность полыхнула сильнее, на миг потеряла очертания и потребовала:

— Я голоден. Покорми меня.

Демон злорадно хмыкнул, повернулся и шагнул к одной из каменных стен пещеры. Там, сбившись в кучу, покорным безропотным стадом стояло несколько зачарованных людей и пара светлых эльфов. Щелчком пальцев он приказал всем подойти к краю бездны, а потом толчком в спину отправил в ненасытные огненные объятия людей — одного за другим.

Глядя, как огонь жадно и радостно пожирает тела жертв, демон мысленно порадовался, что не велел сразу же казнить участников банды, орудовавшей в их краях. Теперь они принесут больше пользы, нежели просто болтаясь вдоль дорог на деревьях, пусть даже в назидание другим.

Оставив эльфов напоследок, он жестко поинтересовался у сущности:

— Три дня назад старая человеческая гадалка предсказала мою скорую смерть. Скажи, это правда?

Теперь огонь уже шумел не так неистово и сердито. Немного утолив голод, он был настроен более благосклонно, и в голосе его явно звучало желание поиграть со смертным:

— Думаю, после этого она недолго прожила... Что для тебя значит «скоро», демон? Для меня это меньше чем миг, слабее, чем человеческий вздох, призрачнее, чем...

— Говори! — раздраженно перебил сущность демон. — Я заплатил за ответ на свой

вопрос, а ты знаешь правила.

Огонь рассыпался мириадами искр и гневно вскинулся, но Ратмар, выставленный вперед и направленный на сущность, заставил ту сразу же успокоиться и отпрянуть с сердитым шипением. Демон едва заметно с облегчением выдохнул. За века использования Ратмара он так и не смог понять, почему огненная магия подвластна всем демонам, а истинная сущность огня так и норовит смести и поглотить все вокруг.

Приказу Высший подчинился, но ответил все же по-своему:

— Все вы смертны, демон, и ты — не исключение. Истинно говорю — ты умрешь скоро.

Мысленно проклиная несговорчивую сущность, демон вновь выставил перед собой Ратмар и демонстративно громко начал читать заклинание, обратное призыву.

Огонь снова вспыхнул, засуетился и уже заискивающе прошипел:

— погоди, я еще очень голоден. Дай мне оставшиеся жертвы.

Читающий заклинание умолк на полуслове, нарочито равнодушно бросил взгляд на двух эльфов, которые пустыми, ничего не выражающими глазами смотрели в никуда.

Вернув свое внимание огню, демон поинтересовался:

— И что я за это получу?

Последовала новая злобная вспышка, которая, впрочем, тут же успокоилась, и сущность, застыв перед демоном, прошипела:

— Я скажу, что значит «скоро» применительно к твоей жизни...

Демон бесстрастно толкнул одного из эльфов навстречу огню, но второго придержал, дожидаясь ответа.

И огонь прошипел уже почти довольный:

— Тебе отмерено ровно двадцать лет! И смерть свою ты отсрочить не можешь, ибо твои враги заключили договор с Высшим и обменяли свои души на твою смерть. Договор вступил в силу. Отсчет пошел.

Под сводами пещеры раздался ужасающий грохот — это смеялась огненная сущность. Демон со злостью ткнул в спину второго эльфа, отчего бандит полетел в бездну, в жадные объятия огня. Затем, не колеблясь более, произнес заклинание, возвращая высшего туда, откуда тот был призван.

Еще некоторое время демон мерил шагами каменную площадку. Затем, сорвав с себя нарядные одежды, перекинулся в боевую ипостась и принялся кидаться на каменные стены, выплескивая ярость и отчаяние. Неужели все, что он создал, должно погибнуть вместе с ним?! Ну уж нет! Решение пришло неожиданно, как озарение, заставляя успокоиться и начать мыслить разумно. Да, он впервые оказался в таком положении. Но выход есть всегда. И он, если потребует, докажет это всем — и своим врагам, и самим Высшим.

Теперь из подземной пещеры выходил отнюдь не будущий смертник. Это шел рожденный истинным воином. А другими демоны и не рождаются!

За моим окном медленно проплывали по небу большие пушистые облака. Закат окрашивал их во все оттенки красного, придавая таинственности и великолепия одновременно. Подобрала ноги под себя, я уютно устроилась в кресле с высокой спинкой и наблюдала, любовалась, гадая: откуда они прилетели? Где успели побывать? И как много видели с высоты птичьего полета?

Откуда-то появилась уверенность, что в землях людей они уже погостили, раз движутся в северном направлении. Возможно, небесные странники побывали в княжествах темных эльфов, заодно успев сопроводить гномьи торговые обозы, которые часто к нам заезжают, предлагая товары. Может, залетали и в тролльи горы, где живет серокожий народ, снабжающий нас рудой и металлом, — я пару раз даже видела вживую их представителей.

Но стоило только вообразить, что белоснежные облака проносились над бандитскими кланами арути, с отвращением передернулась. Слишком много бед приносит эта жуткая раса беззащитным обывателям, торговцам и простым путешественникам, и никакого сладу с ними нет. Как перекатиполое, следуют, куда ветер несет, однако дует этот самый ветер почему-то только в направлении, выгодном их кланам.

Правый бок согревало тепло огня, что поедал остатки дров в камине, а в левой руке я держала книгу. Смотреть в окно мне надоело, читать — тоже, поэтому закрыла книгу, бросив рассеянный взгляд на обложку с изображением типичного светлого эльфа-аристократа. В конце концов, только у представителей древних родов светлых длинные золотистые волосы и яркие зеленые или голубые глаза. Эльфы с родословной попроще в своем большинстве — самые обычные, пшеничного оттенка, блондины, и цвет глаз у них варьируется от черного до светло-голубого, едва уловимого.

Грустно вздохнула, все еще переваривая печальное окончание книги. Хотя для любой светлой эльфийки такой финал женского романа был бы самым приятным и понятным: великолепный принц эльфов спасает прекрасную высокородную эльфийку из лап мрачного дракона, и все заканчивается их свадьбой и гибелью неудачливого чешуйчатого похитителя. Мне же было жаль именно дракона, ведь его любовь была истинной, настоящей, а принц следовал лишь зову долга, приличиям и вряд ли долго продлящейся страсти.

А главное — чуть ли не в каждой строчке сквозило высокомерие светлых по отношению к представителям любой другой расы. Наверное, если бы не тот факт, что моя мама — высокородная, но темная эльфийка, а папа — высокородный светлый, я бы тоже не обращала внимания на такие мелочи, но именно из-за своего происхождения всегда замечала, чувствовала неловкость или даже свою второсортность. И неважно, что я — законный ребенок: мнение обо мне уже сложилось. Так неустанно твердила моя гувернантка, а папа почему-то не спешил разуверять.

Я тяжело вздохнула и уже собралась встать, чтобы покинуть библиотеку, но услышала приближающиеся, очень хорошо знакомые голоса, шелест парчовых юбок Дариэлы и шаги отца. Они зашли в комнату и, судя по звукам, устроились в креслах возле камина, не заметив меня.

Я почувствовала, что попала в неловкое положение. Дариэла — давняя папина подруга, но меня не выносит и почему-то ревнует. Если сейчас обнаружить себя, она наверняка найдет, чем в очередной раз задеть или унижить. А если затаиться, то неизвестно, как долго

придется сидеть. Пока принимала нелегкое решение, вошедшие заговорили, и я, едва дыша, решила в случае чего прикинуться спящей.

— Так ты согласна принять мое предложение, Дара? — спросил отец.

Услышав вопрос, я похолодела. Неужели отец хочет жениться на женщине, которая ненавидит меня?

— Я должна ответить тебе согласиём? В то время, когда по всему дому висят *ее* портреты? Как ты можешь так относиться ко мне, Эвиэл? — истерично воскликнула она.

Послышался шорох, шелест юбок и только затем глухой голос отца:

— Я прикажу сегодня же снять их и убрать на чердак. Не думай о ней, любимая.

В лицо мне словно песком сыпанули, а дыхание перехватило — я заморгала и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Он хочет убрать все мамины портреты? Ведь он любил ее, все так говорят, и я часто замечала, что папа подолгу останавливается возле ее изображений. Мама умерла сразу после моего рождения, а отец почти тридцать лет жил фактически затворником и никого не хотел видеть.

Пока полгода назад не встретил эту хищницу, Дариэлу, на одном из ежегодных балов во дворце Повелителя.

А Дариэла все говорила и говорила... А у меня сводило зубы от заискивающего, воркующего голоса.

— Все равно она будет все время у тебя перед глазами. Невольно будешь нас постоянно сравнивать.

Отец в недоумении заметил:

— Не понимаю тебя, любимая. Портреты уберут, я...

— Я говорю о Хельвине! — заявила Дариэла и продолжила просящим тоном: — Ей же неделю назад исполнилось тридцать — девушка совершеннолетняя. Выдай ее замуж или отошли куда-нибудь. Не хочу видеть ее в своем будущем доме!

Я снова слышала шорох — похоже, отец встал и подошел к камину.

Он молчал, возможно, раздумывая, а я мысленно кричала от боли и обиды: «Ну скажи же ей! Почему ты молчишь?!»

Но отец неожиданно заговорил о другом:

— Когда я встретил Мельвину, она с первого взгляда поразила меня красотой, грацией и нежностью. Я входил в дипломатическую миссию, и когда впервые попал на территории темных, думал так же, как многие из нас. Темные — это животные, ведь у них есть хвосты и клыки, и у нас ничего общего быть не может. Их мужчины действительно животные: и повадками, и поведением. А вот женщины похожи на тепличные цветы — прелестные, хрупкие, мягкие, пугливые. Словно тропические птички в этих своих ярких платьях-саури с множеством украшений и цветов. Мельвина же своей изысканной утонченностью выделялась даже среди них всех. Да к тому же обладала даром целителя, слишком редким для темных эльфов, — как, впрочем, и для нас тоже. Чтобы завоевать ее любовь, мне пришлось знатно потрудиться и не раз побывать на землях темных. Ее отдали мне только после законного обряда и страшного скандала.

Отец замолчал, будто вспоминая. И даже Дариэла, хоть и шумно дышала, видимо, сдерживая раздражение, но молчала, впитывая информацию подобно губке. Послышалось шуршание кочерги в камине и потом снова отцовский голос:

— Несколько лет сплошного праздника, а потом — беременность Мельвины, закончившаяся трагедией. Сильная целительница не смогла спасти саму себя. Послеродовая

лихорадка... Она так и умерла, не приходя в сознание. А я остался один. С дочерью, которая, как оказалось, вылитая копия матери. В этом ты права, Дара, я так и не смог привыкнуть к такому невероятному сходству. Хельвина — моя дочь, но я видеть ее не могу. И любить тоже не могу. Зато я люблю тебя, моя красавица. И эта спокойная любовь меня вполне устраивает, так что тебе нечего волноваться на ее счет.

По моим щекам потекли слезы. Знаю, отец всегда был слишком холоден со мной. Просто раньше я думала, это из-за того, что я полукровка и он, возможно, стыдится меня. И учитывая то, что большинство светлых эльфов холодны и сдержанны от природы, я с раннего детства пыталась подражать отцу и сама себе объясняла его отстраненное отношение именно этим. А сейчас выяснилось — он просто винит меня в смерти мамы. Нестерпимо заболело в груди. Было обидно, но я мстительно усмехнулась: Дариэле не сравниться с моей мамой, и гордячке сейчас дали это понять. Ей достанутся только «спокойная любовь» и дозированные чувства. А я... Я привыкла к одиночеству и окружению одних только слуг. Отец всего лишь дважды возил меня во дворец Повелителя: для представления ко двору и недавно на обряд совершеннолетия.

Но Дариэла своих попыток избавиться от меня не оставила:

— Эвиэл, я дам согласие на наш брак только в одном случае — если ты выдашь Хельвину замуж или куда-нибудь отошлешь.

Отец, судя по звуку, повесил кочергу на место, вернулся к креслу и, устраиваясь в нем, тяжело вздохнул. Затем ответил:

— Я обещаю, любимая, что после нашей свадьбы ни своим видом, ни своим присутствием в нашей жизни Хельвина тебя не побеспокоит. Выдать ее замуж я не имею права. Одним из условий моего брака с Мельвиной было возвращение нашей первой дочери в клан ее матери. Слишком редкий у нее дар — целительство. Думаю, отец Мельвины уже подобрал ей кандидатов в мужья. Еще месяц назад он прислал мне письмо, в котором требует выполнения этого условия. Я, естественно, согласился. Через три дня вместе с очередной дипломатической миссией Хельвина отправится в земли темных.

— Ну, что ж, Эвиэл, я согласна стать твоей законной парой как перед Высшими, так и перед соплеменниками! — не скрывая удовлетворения, произнесла Дариэла.

Я услышала шорох, затем возню, а потом — звуки поцелуев. Но вместо неловкости, в создавшейся ситуации, испытывала лишь горечь и чувство потери. Так много откровений сегодня, а уже через три дня мне придется покинуть отца и дом, в котором выросла.

Сжавшись в дрожащий комочек, все ждала, когда они уйдут, и, видимо, боги меня слышали. Раздался хриловатый извиняющийся голос управляющего, попросившего уделить ему немного времени, чтобы уладить важные вопросы, касающиеся поместья. Как только все трое ушли, я тоже наконец-то встала, а затем быстро покинула библиотеку с мерзким ощущением отцовского предательства.

* * *

Три дня спустя я стояла возле кареты и, затаив дыхание, ждала. Мои вещи были погружены, под сиденье кареты поставлена корзина с едой, чтобы перекусить в долгой утомительной дороге. Два моих охранника уселись на своих буланых коней, возничий занял положенное место на козлах кареты... И все они нетерпеливо косятся на меня, а я все жду...

Тем же вечером когда я подслушала разговор отца с Дариэлой, он вызвал меня в кабинет и бесстрастно сообщил, что мне предстоит путешествие к родственникам со стороны матери. Коротко рассказал о брачном соглашении с мамой, особо заострив внимание на непременном условии — возвращении старшей внучки в клан деда. И в конце совершенно равнодушным голосом добавил, что родительские обязательства в отношении меня он выполнил. Теперь я совершеннолетняя, и о моем будущем позаботятся темные эльфы.

На следующий день начались сборы: я сообщила, что, поскольку мода у темных и светлых совершенно разная, нет смысла тащить в такую даль все мои наряды. Эти доводы заставили отца вздохнуть с облегчением — меньше возни с багажом и повозками. Таким образом, все мои вещи уместились в багажном отделении единственной кареты.

Вечером, накануне отъезда, отец снова вызвал меня в кабинет. Сначала бесцветным голосом рассказал, как будет проходить путешествие, затем вручил мамино родовое кольцо и даже собственноручно надел его мне на средний палец. А потом молча глянул и вернулся к чтению приходно-расходной книги в кресле за рабочим столом.

В первый раз за несколько лет отец сам коснулся меня. Я едва сдержала слезы. Вдруг подумалось, что в преддверии расставания он изменит отношение ко мне, но — увы. Моим надеждам и мечтам не суждено было сбыться... Я все стояла, надеясь, что, у него найдется для меня хоть пара теплых слов. А затем поймала этот недоуменно-раздраженный взгляд и с прямой, как палка, спиной вышла из кабинета. Дверь я закрывала медленно, словно отрезала свое прошлое, что, в сущности, было не так уж далеко от истины.

И вот снова стою и терпеливо жду — может, он скажет или сделает хоть что-нибудь, как-то проявит отцовские чувства... Но отец равнодушно стоит на верхней ступени белой мраморной лестницы, держит за руку довольную Дариэлу и смотрит пустым взглядом, рождая в моем сердце еще большую боль и обиду. Опустив глаза и придерживая подол длинного синего шерстяного платья, я молча забралась в карету. Караван тронулся, и я невероятным усилием воли запретила себе выглядывать из окна — никому я здесь не нужна. И неизвестно еще, что ждет меня в клане дедушки. Да и отцовское предположение о моем возможном скором замужестве ради сохранения в роду целительского дара радужности настроению и легкости в душе не прибавляло.

Несколько мучительно долгих часов я ехала, сложив на коленях крепко сжатые кулаки. Боялась, что если разожму их — начну кричать и биться в истерике. Тридцать лет прожить бок о бок, любыми путями пытаться завоевать любовь отца или хотя бы его уважение, старательно учиться, идеально себя вести и быть самой примерной девочкой — лишь бы заметил, оценил, приголубил, а в итоге... В итоге от меня избавились при первой возможности — без угрызений совести, сожалений и малейших эмоций. И все потому, что он слишком любил мою маму и больше не хочет страдать... А заставить страдать своего единственного ребенка — разве это нормально?

Наконец смогла пошевелиться. Откинувшись на мягкую, обитую красным бархатом спинку сиденья, прикрыла глаза, стараясь дышать глубоко, расслабляя мышцы. Стук в окно кареты заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Отодвинула занавеску и приоткрыла створку. Риасэль, один из моих охранников, наклонился в седле и вежливо предупредил:

— Леди Хельвина, мы выехали на основной тракт, скоро прибудем к дому для странников «У Михаэля».

— Хорошо, Риасэль. Как будем подъезжать, предупредите меня, — попросила я.

Светлые любыми способами пытались выделить свою расу среди других. Даже горные

тролли, которые чурались чужаков и пришлых, придорожные гостевые дома не называли иначе как тавернами. И только на наших территориях таверны назывались домами для странников.

Отец говорил, что путешествие к темным родственникам пройдет в два этапа.

Сначала — в таверне «У Михаэля» — для большей безопасности мы присоединимся к ежегодной дипломатической миссии, которая направляется на территории темных эльфов, затем посещает троллей, подземные царства гномов и совсем уже далекие отсюда земли демонов. Так принято испокон веков.

Дипломаты других стран также раз в году посещают столицу светлых эльфов, что способствует регулярным встречам, тесному сотрудничеству и принятию многих политически важных решений или урегулированию возникающих разногласий. Установленный почти две тысячи лет назад, такой порядок способствует предотвращению крупных межрасовых военных конфликтов, что не может не радовать жителей нашего мира — Тирэя.

А второй этап начнется в городке под названием Эмерун, когда на границе территорий темных эльфов меня передадут с рук на руки встречающим — представителям дедушки. Мои нынешние сопровождающие вернутся в отцовское поместье, а я проследую в клан матери.

До Эмеруна нам придется добираться долго, проезжая через земли людей, которые граничат на западе с горными царствами драконов и воинственными кланами арути. Наш путь пройдет по границе территорий нескольких рас, что повышает опасность. Именно поэтому отец не отправил меня к темным сразу после отпразднованного совершеннолетия и получения дедушкиного письма — дожидался дипломатической миссии. Об этом он тоже сообщил вчера. А в равнодушном голосе явно звучал намек на то, что, несмотря на все неудобства, он все же проявляет обо мне заботу.

Наконец я устала сидеть в одном положении и решила проверить содержимое стоящей на полу кареты корзины со снедью. Тем более что уже захотелось есть, и от запаха съестного рот наполнялся слюной. Так что недолго думая я стащила перчатки, расстелила на коленях салфетку и принялась за обед. Открыла крышку корзины и снова чуть не заплакала от чувства признательности. Корзина была заполнена моей любимой едой: запеченной на углях курочкой с картошкой, ветчиной, разными колбасками, ягодами и фруктами, парой свежих караваев и пирожками — все это собрали наши слуги, к которым я тянулась в своем одиночестве. Окинув взглядом все эти вкусности, мысленно поблагодарила их за заботу.

Пока ела, плотая горькие слезы, снова уплыла в воспоминания. В отцовском поместье не было ни моих сверстников, ни хотя бы эльфов моего статуса. И пусть отец запрещал более дружеские, чем принято, отношения со слугами, я все равно тайком общалась с ними, а в детстве за некоторыми так и вовсе ходила хвостиком.

Например, за поварихой Эльзой — пожилой, но все еще крепкой человечкой. Она учила меня готовить, выбирать продукты получше да посвежее, разделявать тушки животных и птицы, печь, как мне казалось тогда, самый вкусный и ароматный хлеб на свете. Эльза вечно подкармливала меня, привычно сетуя, что я слишком худенькая. И бесполезно было убеждать ее, что толстых или даже просто упитанных эльфов не бывает в природе. По-своему она любила и жалела меня, «практически сироту», хотя раньше я не понимала, как это возможно при живом отце. Зато теперь точно знаю.

А еще был конюх Саризель, эльф, старый даже по эльфийским меркам, который искренне любил лошадей и не любил других двуногих, но для меня сделал исключение. И

хотя я так и не научилась ездить верхом на этих замечательных умных животных, ему все равно было не лень рассказывать про них разные истории.

Я часто сидела на заборе загона и наблюдала, как он ухаживает за лошадьми, объезжает, лечит, воркует над ними, словно над маленькими детьми. Точно так, как надо мной — кормилица Милена. Но та тоже была человеком, и когда мне исполнилось десять, отец приказал ей покинуть наше поместье — незачем, мол, высокородной эльфийке перенимать человеческие привычки. Но именно благодаря Милене я узнала, что такое любовь матери к своему ребенку, что такое забота и нежность.

Из-за отстраненности и холодности отца я всегда была в значительной мере предоставлена самой себе. До обеда со мной занималась гувернантка из аристократического, но обедневшего эльфийского рода — светлых, конечно же. Вот та как раз меня откровенно не любила и даже в мелочах, исподволь, показывала, какая у нее ученица неполноценная, недостойная и несовершенная. Но мои успехи в учебе отец проверял лично, чем заставлял учительницу усердно и старательно выполнять свою работу, пока я не стала совершеннолетней. Сие событие не могло не порадовать меня хотя бы такой мелочью, как расставание с гувернанткой. Мне долго не забыть тот пылающий презрением взгляд, которым эта злюка — как я называла ее про себя, а кое-кто и вслух, правда, за глаза — одаривала мой длинный, покрытый коротким плюшевым ворсом хвост с серебристой кисточкой на конце.

Ей потребовался год, чтобы приучить меня скрывать свой темноэльфийский хвост под подолами длинных платьев, обвивая его вокруг бедра. Если же он нечаянно бесконтрольно высовывался наружу, гувернантка с ядовитой усмешкой наступала на очень чувствительный кончик, из-за чего я резко вскрикивала от боли. Еще одним моим недостатком в ее глазах стала торчащая из-под верхней губы пара белоснежных клыков. По ее приказу мне приходилось в присутствии посторонних эльфов превращать свой рот в подобие куриной гузки, чтобы их спрятать. Но своего гувернантка добила — скрывая наиболее характерные отличия, выдающие мою принадлежность к темным, я вполне могла сойти за «свою» в обществе светлых эльфов. Даже отец был доволен этим фактом, когда возил меня в столицу для представления ко двору. И только меня удручала необходимость по чьей-то прихоти скрывать часть себя, словно я — действительно второй сорт, недостойная.

По правилам, после обеда высокородные эльфийки должны были отдыхать. Я же от безделья сбегала на конюшню, на кухню или просто в лес. И однажды, еще когда мне было лет шесть, случайно познакомилась с дриадой по имени Ниса, обитавшей в большом раскидистом дубе на берегу лесного озера.

Именно Ниса, спустя какое-то время после нашей встречи, начала развивать мой целительский дар и учить лекарскому делу. К моему неожиданному везению, отец, узнав об этом, заключил с маленьким лесным народцем договор: за мое обучение дриады получили некоторые преференции. Участок леса, где обосновалась моя новая учительница, стал заповедной территорией для жителей нашего поместья.

Больше двадцати лет дриада была моей самой близкой подругой, воспитательницей и жилеткой, в которую я плакалась, выплескивая детские обиды. Вдвоем мы обследовали леса поместья на несколько километров вокруг. Ниса научила меня, как слышать и чувствовать лес, как договариваться с животными, чтобы те обходили стороной, как использовать полезные свойства трав и собирать их, когда те входят в самую силу. Даже отец как-то раз признался, что мне повезло найти такую наставницу, ведь дриады — часть леса и самой

природы. И кто лучше их может научить пользоваться ее дарами?

С возрастом мой дар целителя усиливался, больше становился и объем знаний в этой области, а все благодаря Нисе и ее соплеменникам.

К моей радости и к великому счастью Нисы, несколько лет назад она встретила древесного духа огромного молодого дуба на границе владений. Они с первого взгляда полюбили друг друга и теперь живут вместе. Уже через год после их соединения у дуба появилось множество молоденьких побегов, из которых вскоре появились новорожденные дриады и парочка древесных духов. Спустя положенное время мы с Нисой вместе подсадили их в свободные молодые деревца. Это было так трогательно, что мы обе плакали от счастья, наблюдая, как образуется связь между молодыми дриадами или духами и их новыми домами.

Э-э-эх, счастливое время закончилось...

Два дня назад я попрощалась со всеми своими знакомцами и любимыми местами.

Из воспоминаний снова вырвал стук в окно. Отодвинув шторку, я увидела Риасэля, который предупредил:

— Скоро подъедем к дому странников, где нас будут ждать представители дипломатической миссии.

Я кивнула в ответ и без суеты начала собирать остатки своего обеда и приводить в порядок платье. Много времени это не заняло, так что скоро я привычно достала из-за пазухи цепочку с медальоном в виде сердечка, со спрятанными внутри миниатюрными портретами мамы и папы, хотя последний я вчера и заложила бумагой — не могу пока его видеть.

Любой, кто нечаянно увидел бы портрет моей мамы, решил бы, что это я. В обрамлении серебряной крышки медальона на меня смотрела необыкновенной красоты женщина. Густые волосы, похожие на расплавленное серебро, уложены в высокую элегантную прическу, а над острыми кончиками ушей в качестве украшения приколоты яркие большие живые цветы. Высокий умный лоб, прямой нос с тонкими крыльями, идеально вылепленные пухлые губы, а из-под верхней губы — что отнюдь не портит вид и не придает хищности — торчат белоснежные острые клыки, слегка прижимающие нижнюю губу, они скорее добавляют слегка испуганному и невинному облику женщины особого очарования. Высокие скулы и серебристые дуги совершенных бровей подчеркивают большие раскосые глаза зеленого цвета, в обрамлении густых, тоже серебристых, ресниц.

Женщина сидит, сложив руки на коленях и чуть склонив голову набок, словно с любопытством заглядывает прямо в душу. Изящная линия плеч, трогательно-нежная шея, украшенная богатым, тяжелым на вид ожерельем, высокая грудь и тонкие руки с узкими запястьями — все говорит о том, что это женщина утонченная, нежная и слабая, нуждающаяся в сильном защитнике. Герое! Папа, хоть и недолго, был для мамы таковым, а вот для меня стать им не пожелал. Хотя мы с ней похожи как две капельки воды, лишь с одним различием — мои глаза глубокого серого цвета, чуть более светлые вокруг зрачка, что создает эффект прозрачности. На свету они переливаются темным серебром. Отец сказал, что цветом глаз я пошла в дедушку — еще один повод меня не любить. Хотя нельзя не признать, что по-своему папа — как мог — заботился обо мне, но моей одинокой душе хотелось большего.

Колеса загрохотали по деревянному настилу внутреннего двора дома для странников. Я закрыла крышку медальона и быстро убрала его за пазуху, туда, где уже висел на плетеной веревочке небольшой мешочек — подарок Нисы — с бисерными нитями для украшения

волос. Вручая подарок, дриада тихо сказала: «Он пригодится тебе, чтобы почувствовать себя самой собой, не следовать старыми дорогами, а найти для себя новый путь. Просто помни, что ты скорее темная, чем светлая, потому не нужно стесняться надуманных стереотипов, а особенно — себя».

Я тогда решила, что обязательно вплету ее подарок в волосы, как она учила. Просто чтобы почувствовать себя уверенней, а еще — назло наставлениям моей бывшей гувернантки. Как символ новой жизни!

* * *

Стоило карете остановиться, дверь тут же открылась: второй охранник — Дарэль — опустил трехступенчатую лестницу и помог мне сойти на землю. Ноги изрядно затекли от долгого сидения. Хвост уже привычно обвился вокруг бедра под юбкой, а губы вытянулись, закрывая клыки: все же годами вдолбленную привычку скрывать темноэльфийское происхождение не изжить за один день — с ней долго придется бороться.

Незаметно оправила свой классический наряд, сшитый по последней светлой моде: длинное, до щиколоток, платье, приталенное, но расклешенное от бедер, тесно облегающее грудь, со шнуровкой по бокам и узкими длинными рукавами. И тонкие перчатки — обязательный атрибут любого выхода в свет. И если у других светлейших леди они вызывали раздражение, то в моем случае — помогали скрывать темные коготочки. И хотя их можно было бы принять за своеобразный маникюр, но вкупе с другими моими отличиями от светлых кое-кто получал дополнительный повод для недовольства. Надеюсь, теперь все это осталось в прошлом.

Перед большим одноэтажным строением — домом для странников «У Михаэля» — цепочкой выстроилось несколько карет и столпилось множество эльфов — как мужчин, так и женщин. Стоял непривычный для меня шум: всхрапывали кони, смеялись мужчины, четыре эльфийки поднимались по ступеням в таверну. Та, что шла последней, держала за руку мальчика лет шести на вид, одетого в длинный плащ из тонкой ткани.

Ко мне подошел солидный эльф со светлыми волосами, отливающими на солнце золотом, и с глазами поразительно яркого изумрудного цвета. Яснее ясного — представитель одной из старых высокородных семей.

Мужчина вежливо улыбнулся и, коротко поклонившись, спросил:

— Леди Хельвина из рода Черной дубравы?

— Да, верно! А вы, полагаю, лорд Сиэль? — ответила я и, не сдержавшись, улыбнулась в ответ на его теплый взгляд и искреннюю улыбку.

Лорд Сиэль мазнул взглядом по моим губам, тем самым заставив тут же напрячься, ведь он заметил клыки. Но этот, как хотелось думать, без сомнений, приятный во всех отношениях мужчина не изменил расположения ко мне. С галантностью опытного придворного предложил руку и, дождавшись, пока я положу на нее свою ладонь, направился в таверну со словами:

— Приятно познакомиться с вами, леди Хельвина. В этот раз Повелитель назначил меня первым лицом миссии, соответственно, я возглавляю наш небольшой отряд.

Около входной двери я поспешила любезно ответить:

— Мой отец очень высокого мнения о вас, лорд Сиэль, и уверил, что с вами мне не о чем

тревожиться. Все миссии под вашим руководством проходили благополучно и без каких-либо эксцессов. Именно по этой причине со мной всего три охранника. Лорд Сиэль, прошу вас, можете без стеснения и дополнительного уведомления брать их под свое командование, если вдруг в том возникнет нужда. Я понимаю всю сложность и опасность нашего путешествия, и, поверьте, в трудную минуту также буду слушать вас беспрекословно.

Выслушав мою тихую, но пылкую речь, лорд улыбнулся еще шире и неожиданно отеческим жестом похлопал по руке, лежащей на его согнутом локте. Затем, кивнув, ответил:

— Мне лестно, что ваш отец такого высокого мнения обо мне.

А мгновение спустя, уже пропуская меня внутрь помещения таверны, тихо проворчал:

— Вот если бы все наши женщины были столь умны и понятливы, как вы, леди Хельвина. Мы бы проблем в пути не знали.

Глава миссии замолчал, и мы прошли в большой просторный зал, где за центральным столом сидели уже виденные во дворе три женщины. Четвертая дама и ребенок расположились чуть поодаль. Именно к ним в данный момент подошел молоденький эльф с подносом в руках. Быстро расставил тарелки и кружки и удалился. А через минуту вынес, с трудом держа, еще больший поднос, предназначенный для трех леди, которые тихо посмеивались и щебетали между собой.

Лорд Сиэль проводил меня за стол к этим дамам и нетерпеливо щелкнул пальцами, глазами указывая слуге на меня. Затем начал представлять нас друг другу:

— Дамы, позвольте представить вам леди Хельвину из рода Черной дубравы. Эта достойная молодая леди направляется в Эмерун к родственникам. Так что практически все время в пути мы проведем вместе.

На меня смотрели три пары любопытных глаз, но в одной из них я отметила плохо скрываемое недовольство. И именно с обладательницы этой пары лорд Сиэль продолжил знакомство:

— Леди Хельвина, позвольте представить вам элу Карэль, супругу моего помощника и второго советника нашей миссии.

Ага! Не леди, и сие сразу объясняет ее априори негативное ко мне отношение. Эла неискренне улыбнулась, наклонив голову в положенном при нашем социальном различии поклоне. В ответ я просто кивнула, переводя взгляд на следующую женщину.

Лорд Сиэль жестом указал на вторую даму, которая смотрела на меня с холодным любопытством:

— Леди Азарэль из рода Каменистой реки.

Я припомнила справочник по генеалогии светлых. Из него следовало, что этот род почти перевелся и обеднел до неприличия. Но по слухам, доходившим до отцовского поместья, несколько лет назад неожиданно разбогател. Тогда многие гадали — каким образом? Но до сих пор никакие пересуды не помогли разгадать эту тайну. И вот сейчас я сижу за одним столом с последней представительницей этого рода.

Леди Азарэль, между тем, закончила вместо главы миссии:

— Я провожаю свою троюродную кузину элу Хлоэль с племянником Хемом. Они едут... в темные земли, — произнесла леди, и, не удержавшись, бросила странный раздраженный взгляд на соседний стол, где ели ребенок и другая женщина.

Меня неожиданно заинтересовало имя мальчика. Ведь обычно по имени можно сразу определить, к какой расе относится его носитель, а люди знающие могут даже ветвь или род определить.

Например, мое имя и имена всех темных имеют окончания «ина» или «ин», у светлых «эль» или «эл» — обязательное окончание в любом имени и у любого сословия.

У людей — имена короткие и, кроме того, есть фамилии, хотя зачастую у обычных представителей этой расы последние переключаются с названиями поселков или деревень, где они проживают.

Как сказано в учебниках, арути имеют только имена, которые различаются лишь по названию клана или главной самки, эти кланы возглавляющей. В жизненном укладе этих монстров царит полнейший матриархат.

Драконы выделяются длинными, трудно произносимыми именами, еще более сложными названиями родов, а потом и гнезд, где они вылуплялись. Составитель учебника по расам Тирэя не раз сетовал на то, что драконы очень трепетно относятся к своим именам, и потому дипломатам во избежание проблем приходится заучивать их в точности до последней буквы.

Самая закрытая раса — демоны — удивила и тут. Все их имена заканчиваются на «ааль», что означает «огненный», а вот второе — родовое имя — не называлось никому. Считалось, что оно несет в себе силу, и если его узнает кто-то чужой и недобрый, это может навредить демону. Второе имя демоны получают при совершеннолетию.

Так вот, леди Азарэль назвала имя мальчика, но короткое — домашнее. Странно!

Последней оказалась красивая, но, судя по глуповатому взгляду, — недалекая девушка. Лорд Сиэль, прежде чем представить ее, улыбнулся снисходительной отеческой улыбкой и произнес:

— Леди Хельвина, это моя дочь, леди Ариэль. Она, как и вы, недавно отпраздновала совершеннолетию и в качестве подарка упростила меня взять ее с собой посмотреть мир. Я не смог, к сожалению, отказать. И если вы не сочтете за неудобство, я бы попросил вас принять ее в вашу компанию. Леди Азарэль скоро отбывает, и ее кузина с племянником поедут в одной карете с элой Карэль. А так как дам у нас не так много, то тащить за собой лишнее транспортное средство не вижу смысла. Дополнительный фураж и растянутость отряда.

Ариэль с радостным блеском в глазах уставилась на меня в ожидании ответа. Карэль скуксилась — она явно желала ехать в компании леди, а не женщины одного с ней положения, да еще и с маленьким ребенком. Я же ответила:

— Напротив, мне будет очень приятно, если леди Ариэль составит мне компанию.

За всеми этими представлениями я пропустила момент, когда подавальщик накрыл стол и для меня. Хотя я недавно обедала, но горячая еда оказалась очень ароматной и аппетитной, потому вместе с другими дамами я наслаждалась блюдами и перебрасывалась легкими, ничего не значащими фразами обязательной светской беседы...

Вскоре лорд Сиэль объявил об отбытии, явно радуясь, что так быстро собрались все, и ждать больше никого не требуется.

Стоя возле кареты в ожидании, пока Ариэль перенесет в нее необходимые в дороге вещи, я от нечего делать наблюдала за отбытием леди Азарэль. Эла Хлоэль стояла возле своей кареты, положив ладони на плечи Хема, который сейчас походил на натянутую струну. Теперь я смогла рассмотреть его подробнее: яркий брюнет со смуглой кожей, большими темными миндалевидными глазами, прямым носом и тонкими губами. Еще у него были острые клычки, и длинный — как у меня, только без кисточки! — хвост. Кончик хвоста нервно метался по деревянному настилу, поднимая пыль и выбивая тревожную дробь. Похоже, плащ на мальчика тоже надели, чтобы скрыть свидетельство его принадлежности к

темным эльфам.

Хем, не отрываясь, смотрел на леди Азарэль, которая уселась в экипаж и на мгновение выглянула в окно, чтобы в последний раз взглянуть на родственников. Мальчик, протянув ручку, рванулся к ней и уже открыл рот, чтобы что-то крикнуть. Но эла Хлоэль одной рукой крепко прижала его к себе, а второй — закрыла ему рот, при этом суетливо оглянувшись — нет ли рядом свидетелей этой сцены.

Заметив мое любопытство, она ступевалась и потащила мальчика в карету. Мне показалось, что в этот миг из ребенка будто выкачали воздух: он весь обмяк и равнодушно поплелся за женщиной.

Я перевела взгляд на леди Азарэль и невольно передернулась. Страдания мальчика вызвали у нее не сочувствие, а скорее — отвращение и раздражение.

Стоило родственнице с мальчиком скрыться за дверьми кареты, как она с явным облегчением крикнула вознице:

— Трогай!

Поймав мой презрительный взгляд, едко усмехнулась и задернула штору. Я же вдруг поняла, что эта дама и мальчик по имени Хем не чужие друг другу, и она ему гораздо ближе, чем Хлоэль. Возможно даже — его мать. От этой мысли и увиденной сцены стало еще горше, и сострадание к Хему заполнило сердце. Бедный, остался один в таком возрасте...

Неожиданно на мое плечо легла тяжелая ладонь. Лорд Сиэль тихо спросил:

— Вы готовы, леди Хельвина?

В ответ я тяжело вздохнула, кивнула и с его помощью забралась внутрь кареты. С этого дня мое прошлое остается здесь.

* * *

Четыре дня в пути могут вымотать кого угодно, что уж говорить обо мне, путешествующей на большое расстояние впервые. Первые сутки я усердно улыбалась, слушая очаровательную Ариэль, но вскоре, стоило той открыть рот, как скулы судорогой сводило от зевоты, а глаз начинал нервно подергиваться. Моей аристократической выдержки и вежливости хватило ровно на одни сутки, а дальше с утра до вечера я читала взятый в дорогу учебник по магии жизни, которой владею, и учила раздел по целительству, которое мне лучше всего дается.

Кроме того, уезжая, я прихватила из дому очередной дамский роман — правда, в этот раз повезло найти старый томик о темных эльфах. Видимо, книга попала в поместье отца еще до моего рождения вместе с мамой.

Героиней романа была совсем уж слабая и беспомощная темная эльфийка, которую все время спасает темный эльф из соседнего, но, к сожалению, враждующего клана. Причем спасает из глупейших ситуаций. То бедняжка в яму по колено упала и выбраться не может: саури мешают, а раздеться — правила приличия не позволяют — вот бы прочитали об этом чопорные, но не обходящие стороной любые, даже сомнительные, развлечения светлые. То злая собака загнала девушку в лес, и она там погибает от голода — а о том, что в лесу растут вполне съедобные ягоды и грибы, — не знает в принципе. То гроза напугала несчастную до икоты, и все лекари справиться с этим «недугом» не могут, и лишь мужественный темный эльф — главный герой — скромным поцелуем длиной в пять страниц избавляет беднягу от

напасти, тем самым прекращая многовековую вражду между кланами.

А в качестве кульминации — коварный демон похищает героиню из лона семьи с явным намерением сделать ту своей парой. В романе почему-то говорилось, что все поголовно демоны только и мечтают жениться на темных эльфийках. Утверждение вызвало у меня раздражение и насмешку: да уж, на такой женишься — посидеешь раньше времени. Но главный герой не дремлет. Возникает вопрос: когда он там не то что работать умудрится, но хотя бы поспать, если героиня столь невезучая?

К концу романа я уже не переживала за влюбленных, а лишь старалась потише хихикать в кулак, чтобы внимание Ариэль не привлекать.

Но девушка услышала и поинтересовалась:

— О чем читаете, леди Хельвина?

Я передала ей потрепанный томик, чтобы та смогла сама выяснить, а не мне пришлось пересказывать содержание романа.

Ариэль повертела книгу в руках, а потом, прочитав название и несколько первых страниц, увлеченно заговорила:

— О, я читала этот шедевр! Отец привез мне из прошлой миссии такую же книгу. Не правда ли, великолепный роман? Героиня с такой сложной судьбой и такой мужественный герой.

Вот тут меня уже смех до слез разобрал, пришлось закрыть рот ладонью, чтобы не всхлипывать, но Ариэль поняла все по-своему.

— Как я вас понимаю! — закатывая глаза, с придыханием произнесла она. — Я тоже сильно расчувствовалась и долго не могла успокоиться. Такие сильные чувства, сложные отношения — с нетерпением жду того момента, когда своими глазами увижу территории темных. И хотя многие знакомые леди меня предупреждали об опасности, говорили, что темные — настоящие звери...

И тут взгляд Ариэль наткнулся на мой хвост, мохнатый кончик которого постукивал по полу кареты, поднимая пыль.

Девушка смутилась, вытаращила на меня свои изумрудные — отцовские — глаза и, прикрыв рот ладошками, приглушенно зашептала:

— Ой, простите меня, пожалуйста, леди Хельвина. Я никоим образом не хотела вас обидеть — наоборот, счастлива участвовать в этом путешествии на исконные земли темных. Папа часто рассказывает про ваши обычаи, образ жизни и восхищается мужеством мужчин, красотой и утонченностью женщин.

Я снисходительно махнула рукой, останавливая поток извинений:

— Леди Ариэль, не переживайте. Я сама впервые еду в клан дедушки и, так же как и вы, воспитана в лучших традициях светлых и знаю о родителях мамы только понаслышке. Так получилось! Брачное соглашение моих родителей вынудило папу отправить меня к дедушке в клан. Он сильно переживает, но поделать ничего не может. Честь рода превыше всего!

Не знаю, что заставило меня соврать, но так захотелось оправдать отца, а может, и самой поверить в то, что говорю, да и впечатлительную восторженную собеседницу смущать ни к чему.

Светлая участливо посмотрела на меня, наклонилась и погладила по руке в тонкой шелковой перчатке. Однако долго переживать о чем-то Ариэль вряд ли была способна и вскоре вновь зашептала, а я впервые с искренним интересом слушала.

— Папа сказал, что в каждой сказке есть большое зерно истины. Я не совсем поняла,

что он имел в виду. Но оказывается, в этом романе многое — правда. Вы представляете, леди Хельвина?

Ариэль округлила глаза и таинственно посмотрела на меня, а потом почти шепотом продолжила:

— Папа уже третий раз возглавляет ежегодную дипломатическую миссию. Его восхищает мужество наших темных собратьев. — Она смущенно пояснила: — Ну, это отец так считает.

Затем глубоко вдохнула и, наверняка копируя отца, вдохновенно продолжила говорить:

— В наше время, когда высшие расы теряют желание и способность к размножению, когда низшие — люди, арути, жалкие гномы — бесконтрольно плодятся и захватывают все новые территории, теряют страх и уважение перед высшими, нам всем надо сплотиться. И вместе стоять на защите своих интересов. В конце концов, темных от светлых отличают только хвост и клыки — разве нельзя не обращать внимания на некоторое несовершенство?

Ага, значит, лорд Сиэль тоже считает мои особенности несовершенством, только дипломатично помалкивает?! Хм-м, а его дочь — настоящий клад информации для любого вражеского лазутчика. Надеюсь, с возрастом она поумнеет и перестанет пересказывать все, что говорит папа. Хотя искреннее восхищение отцом заметно и похвально. И хоть я — ровесница Ариэль, но жизнь заставила меня повзрослеть гораздо раньше, чем эту наивную, но, в сущности, добрую девушку.

Ариэль снова наклонилась ко мне и почему-то шепотом произнесла:

— Мне очень интересно посмотреть на мужчин из темных. Говорят, они страстные и дико темпераментные, а хвост придает некоторую изюминку в интимной сфере. Вы можете себе это представить, Хельвина?

Представить себе, в чем заключается эта самая изюминка, мне оказалось сложно. Я опустила взгляд на свой хвост, приподняла его, рассматривая, и поймала такой же изучающий взгляд Ариэль. Похоже, мы обе испытываем некоторое затруднение... Неужели фантазия у нас такая бедная?

Несмотря на то что я, в отличие от многих светлых сверстниц, невинна, жизнь в поместье открывает глаза на многие тайны природы. Так что процесс соития — на примере кошек, собачек, лошадей и многих других животных — секрета для меня не представлял. Но вот какая роль в нем отведена хвосту... Нет, все равно фантазии не хватает...

Оторвавшись от разглядывания моего хвоста, мы недоуменно уставились друг на друга. А затем, не сговариваясь, рассмеялись. Ариэль, откинувшись на спинку мягкого сиденья, в предвкушении мурлыкнула:

— Надеюсь, мне представится возможность выяснить это опытным путем.

Я удивленно воззрилась на девушку, а та, погладив томик ладонью, продолжила:

— Папа предупредил: главное — быть осмотрительной и очень осторожной. Темные привыкли опекать своих изнеженных подруг, усиленно охраняют свои территории, но у них есть опасные соседи... которые частенько воруют женщин. Папа сказал, что в этот раз оставит меня и элу Карэль в столице темных на пару месяцев. Он не хочет рисковать и потому в путешествие к драконам и демонам нас не возьмет.

Я недоуменно спросила:

— Почему именно к ним? Такие непредсказуемые или опасные?

Ариэль потерла нос, прежде чем ответить.

— Ну-у-у, папа говорит, что на территориях чешуйчатых есть вероятность встретить

дракона, у которого начался брачный сезон. У них, конечно, самок и своих хватает, но если дракон отреагирует на меня как на свою пару, его ничто не удержит, и моя судьба в тот же момент будет решена.

— А демоны тут при чем? Мне кажется, их царство очень далеко на юге и граничит на небольшом горном участке только с темными. Я неплохо изучила карту Тирэя, — продолжила интересоваться я.

Ариэль пожала плечами.

— У них с каждым годом рождается все меньше женщин. Все демоны — воины от рождения. Их женщины тоже очень воинственны и самостоятельны. Браки заключаются все реже, иногда даже встречаются полигамные — два-три супруга в связи. Наверное, поэтому демоны-мужчины все чаще ищут семейного счастья среди других рас, хотя им только эльфийки да драконицы подходят.

Видимо, девушка снова повторяла папины слова, а когда замолчала, исчерпав запас знаний, я задумалась. Ну да, светлые эльфы проживают слишком далеко от владений демонов. Вот тем и приходится воровать женщин у темных — ведь эта территория гораздо ближе.

С драконицами все сложнее: они непредсказуемые, да еще и огнедышащие — вполне убить могут во время ухаживания, если таковое вообще входит в арсенал соблазнения у демонов. Да и селятся чешуйчатые крупными гнездами высоко в горах. Хотя собственные территории на равнинах тоже имеют и несколько царств на юго-западе в предгорьях.

Мои раздумья прервались, когда карета остановилась, и Риасэль, предупреждая стукнув в окно, заглянул внутрь кареты:

— Лорд Сиэль объявил привал, леди. Не желаете ли пройтись и размять ноги?

Я согласно кивнула, и охранник помог нам с Ариэль выйти наружу.

Глава миссии — отец Ариэль — спланировал наш путь таким образом, чтобы каждый день мы могли останавливаться переночевать в приличных тавернах, где нас уже ждали и радушно встречали. Миссия — ежегодная, потому и эльфы, и владельцы таверн неплохо знали друг друга.

А вот обедали мы всегда на свежем воздухе и на скорую руку: где-нибудь на лесной поляне, на берегу ручья или озера или же просто чуть в стороне от тракта.

Шел пятый день путешествия. Еще с вечера лорд Сиэль сообщил, что мы покинули территорию светлых и теперь движемся по землям людей. А здесь всегда было беспокойно. Глава миссии предупредил, что ехать мы теперь будем быстрее, привалы станут реже и короче. И останавливаться будем лишь для небольшого перекуса и интимных нужд.

Вокруг карет суетились представители миссии и охрана. Я заметила среди деревьев элу Хлоэль и Хема. Эла Карэль, энергично жестикулируя, что-то говорила лорду Сиэлю и своему супругу — весьма терпеливому и выдержанному мужчине. Вскоре лорд Сиэль тяжело вздохнул, кивнул и направился ко мне.

— Как проходит ваше путешествие, леди Хельвина? — начал он издалека.

Я посмотрела в его изумрудные глаза и тихо спросила:

— Чего она хочет?

Мужчина усмехнулся, с теплотой посмотрел на меня и устало ответил:

— Если бы это не касалось второго советника... Ну да ладно, это ему с ней жить. Элу Карэль раздражает ребенок, и, хотя я искренне считаю его поведение идеальным, она жалуется. Думаю, ей просто скучно. Когда она умоляла мужа взять ее с собой, ею двигала

ревность, а сейчас, столкнувшись с первыми неудобствами, она просит меня уговорить вас поменяться спутниками. Хотя бы на день.

— Я так понимаю, эла хочет ехать с леди Ариэль, а не со мной? — Я позволила себе добавить в голос некоторую долю ехидства.

Лорд Сиэль это отметил и в качестве извинения улыбнулся, согласно кивнув. Я же продолжила:

— Ну что ж, буду только рада новым лицам и знакомству.

Своим согласием явно порадовала Сиэля. Он коснулся губами моей руки и пошел к эле Карэль.

После краткого обеда мы снова тронулись в путь. Только теперь напротив меня сидели Хем и эла Хлоэль. Когда я улыбнулась Хему в ответ на его вялое любопытство, засветившееся в глазах при виде моего хвоста, женщина расслабилась и занялась вышиванием, держа на коленях корзинку с рукоделием.

Я же искоса рассматривала мальчика. Его глаза оказались черными, как самая темная полночь, но странно пустыми. Кожа в приглушенном свете выглядела еще смуглее. На щеках, подбородке и даже на шее рассыпаны темные точки едва заметных веснушек. Очаровательный, симпатичный темный эльфенок. Только две шишки на лбу, на самой линии роста волос, немного портили внешность мальчика. Хем постоянно чесал эти две шишки, отчего Хлоэль заметно нервничала и каждый раз хмурилась.

Конечно же, скучали мы оба, поэтому я придумала игру — один игрок называет любой предмет, а второй подбирает другое слово на последнюю букву. Предложила мальчику поиграть, и вскоре мы увлеченно смотрели в окно и называли все, что видим или помним. Эла Хлоэль, с любопытством наблюдавшая за нами, вскоре уснула. А мы поиграли, перекусили тем, что нам еще с утра положили в таверне, немного подремали, а потом я придумала другую игру.

Так мы ехали следующие два дня, и даже Хлоэль полностью расслабилась и размякла.

Осторожно выяснив, куда и зачем я еду, она неожиданно погладила по голове уснувшего Хема и сказала:

— Бедный мальчик.

Я поняла, что няньке мальчика очень хочется выговориться. Поэтому переспросила:

— В прямом или переносном смысле?

— Думаю, вы догадались, что Хем — демоненок?

Я, конечно, не догадалась, но усердно закивала головой, поощряя ее разговорчивость.

— Азарэль — его мать, но, сами понимаете, стать долгожданным и любимым ему не светило изначально. С миссией мы доедем до границы земель демонов, где его будет встречать отец. Надеюсь на это. Я растила Хема как умела, но рада, что ребенок будет среди своих.

Я поделилась своими впечатлениями о демоне:

— Для своего возраста он непривычно спокойный и выдержанный ребенок. Да и вообще для мальчика.

— А он всегда такой, — пожалала плечами Хлоэль. — Усидчивый, с потрясающей памятью. Ему всего шесть лет, но он очень развит физически, сильный, спокойный и покладистый.

Ариэль говорила, что все демоны рождаются воинами. И теперь, слушая женщину, я сравнивала услышанное от Ариэль с тем, что сейчас говорила Хлоэль. Может, Хем все же не

демон? Хотя, до определенного возраста демоны, темные эльфы и драконы очень похожи...

Собеседница еще долго рассказывала, как воспитывала Хема, и у меня создалось четкое впечатление, что эта женщина похожа на мою собственную, — слава богам, оставленную в прошлом! — гувернантку.

Э-э-эх, бедный Хем!

* * *

Уже пару часов я не отрывалась от окна, и Хлоэль, когда проснулась и выглянула в окно, тоже, нахмурившись, начала провозжать мелькавшие за стеклом кареты пейзажи. Сложно было сказать, что не так, но, похоже, мы обе чувствовали неладное. Может, дело в том, что мужчины ехали с сосредоточенными мрачными лицами, держа наготове луки и то и дело касаясь рукоятей мечей? А может, потому что на полях, тянувшихся вдоль тракта, за весь день мы не увидели ни одного человека? Хотя за время путешествия по людским землям я уже устала от их количества и пристального интереса к нашей делегации.

Последнюю пару дней в тавернах ходили тревожные слухи о том, что на дорогах беспокойно — нападают не только на путников, а даже на обозы. И хотя разбой и раньше не был редкостью: слабый — всегда легкая добыча для любителей наживы, но в последнее время нападения стали происходить регулярно — с пугающей частотой и наглостью.

За ужином мы слушали жуткие рассказы гномов, делившихся новостями. Эти вечные странники, разъезжающие со своими торговыми обозами, многое видели и многое знают, а главное — их словам можно верить. Так вот, они громогласно и уверенно заявляли, что молодые кланы арути вновь начали кочевать, их встречают в самых неожиданных местах, потому что старые кланы задыхаются от перенаселения, и молодые пытаются захватывать новые земли.

Люди возмущались и сетовали на то, что чаще всего страдают от нашествия арути именно их земли, а гномы жаловались, что именно их народ — как главное связующее торговое звено между расами — несет большие потери как в численности, так и в финансах.

А вчера мы встретили и оборотней. Те молча ели похлебку, лишь прислушиваясь к странникам, но по мере получения информации из общих разговоров все сильнее темнели лицами. Территории оборотней хоть и небольшие, но граничат с людскими с одной стороны и с арути — с другой, а численность их не столь велика, чтобы затевать войну.

Все это тревожило и прибавляло беспокойства в нашем, и без того нелегком, путешествии. А меня — заставляло нервничать все сильнее.

Приближался вечер, солнце уже наполовину скрылось за горизонтом и, по словам Риасэля, пытавшегося подбодрить нас хорошей новостью, совсем скоро должна появиться большая деревня. Сегодня у нас даже обеда не было: нам просто предложили поесть на ходу прямо в карете, не обращая внимания на ворчание элы Карэль и леди Ариэль, да быстренько посетить ближайшие кустики, чтобы справить естественную нужду.

Мои охранники — Риасэль и Дарэль — теперь все время держались подле кареты, буквально взяв в клещи. Возничий Дирк настороженно зыркал по сторонам, жевал табак, смачно сплевывая на землю, и зычно погонял четверку лошадей. Еще на первом привале, несколько дней назад, Дирк, похлопывая по крупам ведущую пару, довольно высказался: «Эти лошадки из любой беды вынесут, ни одна тварь не догонит». Дай-то боги, чтобы он

оказался прав.

Наконец показались первые бревенчатые дома обещанной деревни. Мы с Хлоэль, не сговариваясь, облегченно выдохнули. За забором и толстыми стенами все же чувствуешь себя в гораздо большей безопасности, нежели на открытой местности, особенно ночью. Открыв окно, я высунулась наружу, с любопытством осматриваясь. Несколько конников из нашей миссии уже въехали на широкую сельскую улицу, но почему-то замедлили шаг и, управляя лошадьми лишь коленями, взяли луки на изготовку.

Мимо проскакал лорд Сиэль, карета с его дочерью и Карэль следовала за моей — видимо, он беседовал с ними в дороге. Напряжение вокруг я уже ощущала всем существом. Чуть в стороне от дороги тянулась вверх пара черных столбов дыма. Похоже, там, дальше в деревне, горят дома. А вокруг странная, непривычная для населенного пункта тишина — словно никого нет. И даже собаки молчат, что пугает еще больше! Я передернулась от нехорошего предчувствия, и страх липкой неприятной волной прошелся по телу, посылая мурашки по коже рук и между лопаток. Плохой признак!

В жуткой тишине, нарушаемой лишь скрипом колес наших карет да стуком лошадиных копыт по утоптанной дороге, мы добрались до большой таверны. В деревне обычно это самое оживленное место. Возможно, сейчас мы выясним, что произошло, и куда все делись?!

Выйти сразу не позволил Дарэль, заблокировав двери лошадьми, словно прикрывая от опасности. Несколько эльфов-охранников спешили и, беспрестанно оглядываясь, зашли внутрь таверны. Вскоре они вышли и стали докладывать главе миссии явно что-то неприятное, потому что лицо лорда Сиэля мрачнело все сильнее. Выслушав охрану, он крепче сжал в одной руке боевой лук, а вторую положил на гарду длинного кинжала. Медленно, очень внимательно обвел взглядом деревенские, похоже, опустевшие, дома, дорогу в обе стороны, а затем задумчиво посмотрел на нас — две кареты с женщинами и ребенком.

— Остаемся на ночь здесь! — после недолгих раздумий приказал лорд Сиэль.

Видимо, принял такое решение он именно из-за нас: не решился тащить дальше в ночь, в неизвестность и без отдыха.

Четверо мужчин тут же снова вернулись в таверну, остальные занялись лошадьми и, пока женщины не прошли внутрь, держали окружающее пространство под контролем.

Оказалось, внутри тоже никого нет — ни жителей, ни хозяев. Я заметила на полу несколько кровавых пятен, да и беспорядок в зале творился такой, словно кто-то тут собирался в жуткой спешке. Мы с Хлоэль молча прошли к столам, но присаживаться не хотелось: и так отсидели все, что только можно.

Карэль и Ариэль приставали с вопросами ко второму советнику, за что я искренне его пожалела. Мужчина и сам в большом напряжении, а чтобы успокаивать истеричную своенравную жену и молодую дочь начальника, требуется столько усилий и нервов. Но он успешно справлялся с трудностями, вызывая еще большее уважение. Мне, не избалованной мужским вниманием, было немного завидно наблюдать такую неподдельную заботу и трогательную любовь к взбалмошной жене.

Мужчины сноровисто обследовали помещение на предмет еды, затопили камин, проверили комнаты на втором этаже и занесли внутрь необходимые нам вещи.

Ужинали в тревожном молчании и пораньше ушли спать. Мужчин лорд Сиэль разделил по сменам для несения караула. Впервые оставшись без ежевечернего омовения, я чувствовала себя грязной и непривычно уставшей. Но, несмотря на тревожные мысли,

заснула как убитая, стоило положить голову на подушку.

Утром нас разбудили перед рассветом, едва небо немного посветлело. Завтрак уже ждал на столах. Все ели быстро и сосредоточенно, погружившись в свои мысли, даже Карэль с Ариэль молчали и выглядели серьезными и собранными. А когда отряд спешно покидал деревню, создалось ощущение, будто мы спасаемся бегством.

Через несколько часов карета неожиданно остановилась, что вызвало у нас волнение и тревогу. Оказалось, мы встретили, а точнее — догнали гномий торговый обоз. Лорд Сиэль о чем-то коротко переговорил с кряжистым старым гномом. Этот невысокий народец славился подтянутостью и худощавым строением тела, весьма подходящим к их характеру — большей частью ловкачи, хитрюги и торгаши, но с высокими понятиями о чести. Их слову верили безоговорочно: в торговой среде очень важно иметь чистую репутацию. И представители гномьей расы сами наказывали своих нечистых на руку дельцов. Но одно дело — держать слово, а другое — всегда прежде всего думать о собственной выгоде.

По Тирэю даже поговорка ходила: «Обвести гнома вокруг пальца — то же самое, что стать любимцем богов», — теоретически возможно, а в жизни практически нереально.

Пожав друг другу руки, видимо, скрепляя некий договор, мужчины разошлись. С этого момента мы двигались вместе по дороге, которая проходила через лес. Кареты ехали довольно быстро, и рессоры не справлялись с нагрузкой — пассажиров немилосердно трясло. Когда одно из колес попало в очередную яму, Хем, не удержавшись, упал на меня, и я придушенно охнула от совсем не детского веса.

Эла Хлоэль поспешила нам на помощь со словами:

— Да, леди Хельвина, демоны очень тяжелые, хотя по виду и не скажешь.

Она усадила Хема рядом с собой, придерживая рукой, а я поинтересовалась:

— А вы не знаете, почему?

— Животные — что с них возьмешь?! Они же по сути те же оборотни, раз вгору — боевую — ипостась имеют. Соответственно — двойной вес. В природе все взаимосвязано, — менторским тоном ответила Хлоэль.

Меня покорило сравнение с животным, да еще в присутствии Хема. Но мальчик никак не реагировал на слова няни — с вялым любопытством продолжал смотреть в окно. Теперь он оживлялся, только когда я обращала на него внимание, а в остальное время его можно было принять за зомби.

Я уже открыла рот, чтобы сделать замечание по поводу несправедливых слов, но послышались крики, испуганное ржание лошадей, а окно рядом с элой Хлоэль разлетелось на мелкие осколки. Вслед за этим чуть выше моих коленей в стену вонзилось тонкое копьё, сорвав занавеску окна и пришилив ее к стенке кареты. Пребывая в полном ступоре, я лишь тупо смотрела на это копьё. Хлоэль завизжала, а Хем заплакал, и именно его тонкий скулеж привел меня в чувство. За последние дни я неожиданно сильно привязалась к мальчику.

Кожу на лбу демоненка посекло осколками — слишком близко к разбитому окну он оказался, — и из ранок сочилась темная кровь. Мальчик хныкал от боли, размазывая кровь по лицу.

Не раздумывая, я накрыла его лоб ладонью и призвала свою магию, исцеляя, заживляя ранки. У всех высших рас хорошая регенерация, но в детстве — очень медленная.

— О, Пресветлая, что нам делать?.. Что нам делать?.. — в ужасе причитала Хлоэль, вжимаясь в спинку сиденья.

Я тоже задавалась этим насущным вопросом. Выглядывать из кареты было откровенно

страшно. А затем начался кровавый кошмар — лязг металла о металл, жуткие звуки — кто-то кричал в боевом запале, но явно не наши. Эльфийская глотка таких звуков издавать не может — знаю, как целитель. Карета дергалась туда-сюда: похоже, кони, взбудораженные бойней вокруг, пытались либо двигаться вперед, либо пятиться назад. Но экипаж оказался заблокированным на лесной дороге обозом гномов впереди и каретой элы Карэль позади.

Очередной вопль прозвучал совсем близко — и нервы Хлоэль не выдержали: она дернула ручку двери и буквально вывалилась наружу, запутавшись в своих длинных юбках. Хем кинулся за ней и тоже упал сверху. Мгновение побарахтавшись, перекатился с няни на землю. Хлоэль привстала и на четвереньках поползла к кустам, ничего не соображая от страха, но, тем не менее, не забывая подталкивать впереди себя Хема. А я в открытую дверь увидела, как Риасэль дерется на мечах с настоящим чудовищем, которое видела только на картинках в учебнике по расам.

Арути! Голова как у человека, только чуть крупнее и сильнее выделяется лоб. Лицо старчески сморщенное, но обнаженный мощный мускулистый торс не вызывает сомнений в возрасте. Хотя торс, как и все остальное тело — ящероподобные. В длинных разрезах юбки, прикрывающей бедра, видны сильно развитые ноги. На руках, покрытых коричневой чешуей, я заметила несколько золотых браслетов или наручей, которые он умело использовал в качестве защиты от ударов меча соперника.

Я вскрикнула от ужаса, наблюдая, как одним мощным ударом арути отрубил голову Риасэлю, а затем, даже не посмотрев на падающее обезглавленное тело, перепрыгнул через него и рванулся в нашу сторону. Заметил Хлоэль с Хемом. Я словно оцепенела, сознание никак не могло принять то, что происходило снаружи. Слово если я внутри, то меня это не коснется. Но я ошиблась.

В последний миг Хлоэль увидела прыгнувшего к ней арути и, неожиданно даже для меня подхватив валяющееся на земле копьё, резко выставила его перед собой. Острие вышло из спины полуящера, тот с большим удивлением посмотрел сначала на копьё, вошедшее ему в живот, а потом на женщину с дикими глазами. Хем, стоя на коленках, застыл чуть впереди, испуганно тараща глаза на происходящий ужас.

Неожиданно к этой троице подскочила Карэль и, размахивая непонятно откуда взявшейся дубиной, начала исступленно лупить рухнувшего наземь арути. Я услышала, как визжит Ариэль, ругается лорд Сиэль — значит, он рядом с дочерью.

Позади меня открылась вторая дверца, в окно которой недавно влетело копьё. Я не успела среагировать, как чьи-то сильные руки обхватили меня за талию и потащили вон из кареты. Теперь пришла моя очередь визжать и сопротивляться, выходя из шокового состояния.

— Успокойтесь, леди, это я, Дарэль! — прошипел мой второй охранник, вытащив меня наружу.

Дирк в это время суетливо выпрягал пару лошадей, надеясь воспользоваться ими. Не вышло! Очередное копьё пронзило шею Дирка, тот свалился прямо под копыта взбудораженных криками и запахом крови лошадей, и они буквально затоптали тело возницы. А я вновь закричала. Дарэль резко толкнул меня за карету, а сам встал на пути очередного арути.

Задыхаясь от усилий, он крикнул:

— На ту сторону, быстро! Бегите в лес и не оглядывайтесь!

Столько силы было в этом приказе, что я моментально замолчала и, распластавшись по

корпусу кареты, двинулась на истеричный вопль Ариэль.

Я успела отметить, что нападению подверглись и наш отряд, и обоз гномов. Арути было слишком много, чтобы мы смогли отбиться. Наконец я добралась до Сиэля и Ариэль, причем лорд был испачкан не только чужой кровью, но и своей, и одежда на нем во многих местах была разорвана, а может, и порезана. Но, похоже, здесь светлым удалось справиться почти со всеми нападавшими. Несколько арути лежали убитыми, но даже мертвыми пугали непривычным видом, грудой мышц и мутнеющими глазами, продолжавшими взирать на нас со звериной яростью.

Глава миссии прохрипел нам с Ариэль:

— Бегите в лес, девочки! Да хранит вас Пресветлая!

У меня пересохло горло от ужаса: Хлоэль с копьем в груди лежала на спине, а Карэль в обнимку с мужем полулежала на земле. Похоже, второй советник пытался прикрыть жену своим телом, но в тот же самый момент обоих обезглавили одним ударом. И только Хема нигде не было видно.

Лорд Сиэль встал, заслоняя нас — на него надвигались двое арути.

— Уходите! — прорычал эльф, кидаясь к противнику с мечом наперевес.

Я схватила Ариэль за руку и потащила за собой, другой рукой подобрал подол платья. Наконец мы влетели в кусты, не обращая внимания на ветви, царапавшие лица и цеплявшиеся за волосы. Я упорно тащила Ариэль за собой. Та постоянно оглядывалась, ища взглядом отца, и рыдала, а я теряла последние силы.

Толкнула девушку к дереву и заставила сесть на землю. Спаситься у нас был только один шанс из тысячи и, самыми теплыми словами вспомнив Нису, я прошептала тайное заклинание, одновременно рисуя на земле руны. Обращаясь за помощью к самой природе. Вокруг нас тут же проросли несколько вьюнков, которые, с каждым мгновением утолщаясь, укрывали нас от опасности под толстым покровом листьев.

Ариэль, зажав рот кулаком, в просвет между листьями смотрела на дорогу, где ее отец как заведенный сражался с арути. Меч лорда Сиэля сверкал на солнце, мелькая подобно молнии, но и светлый лорд, к сожалению, не всемогущ. Один из арути ухитрился ударить его в спину.

Ариэль всхлипнула и навалилась на меня всем телом, потеряв сознание. Я бы тоже, наверное, так поступила, но в этот момент увидела Хема. При виде одинокой испуганной детской фигурки мое сердце сжалось от боли. Мальчик стоял ближе ко второму обозу и, трогательно обняв себя ручками, затравленно озирался вокруг.

Трое арути, которые справились-таки с Сиэлем, о чем-то переговариваясь, отрезали по куску его длинной косы. Победитель вырвал меч из спины поверженного светлого лорда и вытер лезвие о полу его синего бархатного кафтана. Затем троица, дружно осмотревшись и не обнаружив никого поблизости, рысцой направилась в сторону все еще дерущихся гномов. Кроме них в том многочисленном обозе были и люди, но было видно — долго это отчаянное сопротивление не продлится.

Перед моими глазами все еще стоял маленький беззащитный Хем, а в его сторону уже шли подпрыгивающей походкой трое арути. Похоже, последнее сопротивление было сломлено, и выживших сгоняют в кучку, забирая в плен. Я не могла оторвать взгляда от мальчика — время словно остановилось.

Раздвинув листву, с трудом выбралась из зеленого укрытия и замаскировала все как было. Подоткнула подол длинного платья, пригнулась и короткими перебежками, а иногда

чуть ли не ползком направилась обратно к дороге.

Добравшись до тела лорда Сиэля, случайно заметила судорожное движение. Неужели еще жив?! При таком ранении он все равно скоро умрет от потери крови — не спасет никакая регенерация. Да и в любом случае на нее требуется время, а времени-то у него и нет. Да и Ариэль там совсем одна — беспомощная и беззащитная. Рискну!

Сердце подскочило к горлу — я заметила, как один из арути подошел к Хему, схватил его за волосы, заглянул в лицо и толкнул в сторону других пленных. А мне нужно заняться Сиэлем. Зорко следя за арути, я выползла из кустов и, в один прыжок оказавшись рядом с лордом, улеглась на землю, изображая еще один труп. Одним больше, одним меньше — может, и не заметят!

Применять магию я не боялась: арути ею не владеют, потому не почувствуют. Помню, в учебнике было сказано, что среди их женщин встречаются сильные провидицы. И только данное обстоятельство спасает этот дикий народ от полного уничтожения другими расами. Настолько их все ненавидят!

Рана в спине лорда все еще кровоточила — представляю, сколько под ним крови натекло! А потом я сосредоточилась на исцелении. Под конец Сиэль пошевелился, но я тут же зашипела:

— Вы все еще труп, а вокруг — арути! В лесу возле дерева под листвой вьюна прячется Ариэль. Она безчувств из-за вашей «смерти». Рану я вам залечила, но какое-то время вы будете абсолютно беспомощны. Надеюсь, у вас обоих получится выжить. Пусть хранит вас Пресветлая! Да, скажите папе, что я погибла, а то вдруг надумает искать.

Я собралась вернуться в кусты, но меня остановил хриплый слабый шепот лорда:

— Вы куда, Хельвина?

— Там Хем, один! Я не могу бросить ребенка одного, как сделала его мать. Прощайте, лорд Сиэль, было приятно познакомиться с вами. Может, когда-нибудь и свидимся.

Он промолчал, понимая, что сейчас полностью беспомощен, и еще неизвестно, сможет ли вместе с дочерью убраться отсюда живым. А я передумала нырять в кусты и поползла под карету.

Так под каретами и повозками я и продвигалась ближе к пленным и к Хему. Все, что я сейчас делала, было настолько невыносимым и жутким, что раньше даже в самых страшных кошмарах не смогла бы представить себе подобного, но все это происходило со мной в действительности. Припадая щекой к земле и замирая, когда мимо проходили чешуйчатые ноги в грубых башмаках, я видела впереди пару маленьких ножек и светло-коричневый хвост мальчика. Именно к ним, как к ориентиру, я двигалась словно заведенная, не думая больше ни о чем.

Повозки... Повозки и трупы... Несколько раз пришлось переползать через убитых, зажмуриваясь, чтобы не видеть мертвых мутнеющих глаз с навечно застывшими в них страданием и страхом. Возле одной из повозок я наткнулась на мертвого паренька-человека. Его руки все еще сжимали мешок, похожий на рюкзак. Видимо, во время нападения решил забрать с повозки свое добро. За что и поплатился.

Хотела было проползти мимо, но тут арути начали выпрягать лошадей из повозок. Животные задергались вперед-назад, и мне пришлось вновь затаиться. Пока тряслась от страха, лежа на земле, снова обратила внимание на этот мешок. Возможно, в нем найдется одежда, и мне удастся сменить на что-то свое замызганное кровью и грязью неудобное платье, в котором дальше путешествовать будет сложно. Протянула руку к мешку и тут же

отдернула — как же стыдно и морально тяжело взять чужое. Повозка снова дернулась, раздался недовольный рев одного из арути — и я решилась. Шустро подхватила мешок и снова затаилась под повозкой.

С трясущимися руками и колотящимся сердцем развязала шнурок и закопошилась в мешке. Обнаружила пару чистых штанов, две, тоже чистые, большие прямоугольные тряпицы — видимо, портянки, две рубашки и одну утепленную жилетку. Вытащила штаны, рубашку и жилетку, украшенную ручной вышивкой. Наверное, мать с любовью украшала одежду сына... А вот теперь он лежит тут... Мертвый... На радость падальщикам!

Неожиданные слезы закапали на шерстяную ткань, оставляя на ней темные влажные пятна: душа не выдержала, оплакивая погибших. Но медлить и раскисать некогда — арути очень сноровисто освобождали лошадей и сгоняли в небольшой табун. Немыслимо извиваясь всем телом, стащила верхнее платье. Нижнюю рубашку, свернув в рулончик, запихала на дно рюкзака.

Хвала Пресветлой, на мне грубоватые походные ботинки. Думаю, никто не обратит внимания на то, что они женские. Забинтовала портянками грудь. Чуть надорвав штаны, чтобы хвосту было удобнее, быстро оделась в мужскую одежду, заправив косу под рубашку, а сверху — на манер восточных гоблинских племен — покрыла голову своей косынкой, которая только чудом не потерялась и криво болталась на шее, заляпанная грязью и каплями крови. Получилось обернуть ее руликом вокруг головы, закрыв лоб, а свободными краями прикрыть нижнюю часть лица и шею. Размазала по лицу грязь и, закинув рюкзак за спину, продолжила путь к Хему.

Дрожала я от страха так, что кровь стремительно бежала по венам, а сердце стучало в ушах. Наконец добралась до головной повозки и теперь, выглядывая из-за трупа, лежащего возле колеса, следила за обстановкой. Пара десятков арути, размахивая копьями, сгоняли в кучу к остальным шестерых человек, среди которых было две женщины. Мужчины были ранены, но держались на ногах. Видимо, только поэтому несчастных оставили в живых.

Среди пленников я заметила того самого кряжистого старого гнома, который совсем недавно разговаривал с лордом Сиэлем. Рядом с ним стоял еще один — такого же солидного возраста, и вдвоем они плечами загоразивали молоденького щуплого паренька, тоже гнома. А вокруг толпилось с десяток других гномов: кто-то ранен, кто-то — нет, но все они теперь пребывали в одинаковом положении — пленники с неведомой судьбой. Лишь светлых не было в этой печальной компании, их арути ненавидели до глубины души, гораздо сильнее, чем представителей других рас. Хотя раньше меня мало интересовало — по какой причине.

Хем замер чуть в сторонке возле ближайших кустов, глядя себе под ноги, и не делал ни малейшей попытки убежать или спрятаться. Словно ждал чего-то. У меня вновь защемило сердце при виде одинокой скорбной фигурки. Быстро оглядев дорогу в обе стороны, дождалась момента, когда вроде бы никто не обращал внимания на Хема, мою повозку и кусты, и на коленках поползла, быстро перебирая руками-ногами.

До Хема оставался какой-то злосчастный метр, как и до спасительных кустов, но в этот момент кто-то сильно придал мне ускорения, ударив под зад, и я кувырком полетела вперед. Не сумела притормозить, сбила демоненка с ног и вместе с ним распласталась на земле, обильно политой чьей-то кровью. Стремительно оглянувшись на того, кто пнул меня с такой силой, к вящему своему ужасу увидела арути. Чудовище возвышалось над нами и зло кривило в усмешке губы, похлопывая стрелой, которую держало в руке, по ладони другой.

— Еще один эльф? — коверкая слова, спросил арути на человеческом языке.

Этот язык — к большому неудовольствию светлых — из-за многочисленности расы стал всеобщим. И теперь его знание входило в программу обучения не только детей аристократов, но и незнатных эльфов тоже. А то ведь можно потерять лицо, попав в глупейшую ситуацию по причине незнания столь простого языка «низших».

— Да! — хриплым от волнения голосом ответила я.

— Повезло тебе, что темный! — «обрадовал» меня стоящий надо мной арути.

Он смерил нас с Хемом взглядом жутковатых змеевидных глаз болотного цвета, а потом, ткнув сапогом в ляжку мальчика, спросил:

— Соплеменник?

— Темный! Мой брат! — тут же согласилась я, а потом на всякий случай добавила: — Не смотри, что маленький, он очень сильный и выносливый.

Арути еще раз обежал нас оценивающим взглядом и решил:

— Отстанет или задержит — убьем. Иди к остальным.

Я подскочила и, ухватив Хема за руку, помогла ему встать. Я боялась сейчас лишь одного, что он назовет меня по имени и титулу, тогда нам конец обоим. Но Хем молча последовал за мной, в дополнение к рукам крепко переплел наши хвосты. Словно боялся, что я сейчас исчезну, как и остальные, близкие ему существа.

— Зови меня Хел, Хем. Ладно? — тихо попросила я, двигаясь к толпе пленников.

— Хорошо. Ты вернулась за мной, Хел? — спросил мальчик, крепче сжимая мою руку.

— Конечно, Хем! Как же иначе, — ответила я и тут же поправила его: — Запомни, Хем, я — твой братец, и меня зовут Хел. Не выдай нас нечаянно, иначе убьют.

— Хорошо, братец Хел, — неожиданно весело ответил демоненок и впервые за все время путешествия широко улыбнулся.

Ну что ж, мы вместе, мы в беде, но главное — мы живы. Как только я это осознала, навалилась моральная и физическая усталость: слишком сильны были испытанные чувства и эмоции, тем более пришлось использовать магию, забравшую много сил.

Я чувствовала подозрительный взгляд следующего за нами арути, но, заметив возле одной из тележек хлеб и кусок сыра, валяющиеся в грязи рядом с перевернутой корзиной, подобрала не раздумывая. Отряхнула, отломил кусок того и другого и сунула в руки Хему. Половину спрягала за пазуху, а другую начала быстро есть сама. Силы еще пригодятся в дороге. Для побега.

Все, что произошло за это время, для меня словно отошло на второй план. Учитывая количество потерь, смертей и трагическую цепочку предшествующих событий, странно. Но сейчас передо мной встала задача выжить самой и помочь выжить Хему. Я впервые почувствовала ответственность за кого-то, кроме себя, и именно это помогло на некоторое время отодвинуть мысли о том, что произошло, и начать планировать будущее. Пусть всего на день вперед, но думать о предстоящем, а не о погибших Риасэле, Дирке и многих других, оставшихся здесь навсегда. И, возможно, хоть это поможет не сойти с ума от страха.

* * *

Две тени бесшумно скользнули в небольшую комнату и застыли возле кресла, в котором сидел, вальяжно расположившись, огромный мужчина. Думая о своем, он рассеянно следил за язычками магического пламени в камине. Почувствовав, что уже не один, мужчина

приподнял бокал с красным вином и, рассматривая его на свет, процедил:

— Время пришло. Встретите ее в условленном месте. Никто не должен об этом узнать, пока она не окажется в ваших руках.

Две тени переглянулись, затем один из них — высокий и мрачный — спросил:

— Повелитель, а что с женщиной делать?

Тот, что сидел в кресле, осторожно поболтал вино в бокале, пригубил, едва слышно стукнув клыками о хрусталь, и только затем ответил:

— Не люблю светлых!

— Но она же... — попытался уточнить второй из пришедших, но его тут же прервали гневным рыком.

— В мои планы она не вписывается! Никак!

На первую тень гнев Повелителя никакого впечатления не произвел, потому он бесстрастно предложил:

— Я могу подчистить память светлой так, что она забудет свою родословную и о вас — тоже. А могу стереть с лица Тирэя...

Мужчина в кресле хмыкнул, задумался на пару мгновений, вода черным острым когтем по краю бокала, затем произнес:

— На твое усмотрение. Главное, чтобы соглашение было выполнено. Остальное — не столь важно. Если ты считаешь, что она заслужила жизнь, ну что ж — пусть живет и не помнит о нас.

Обе тени почтительно кивнули и так же бесшумно выскользнули из комнаты, оставив в одиночестве мужчину, который после их ухода неожиданно утратил спокойствие. Он резко поднялся, залпом допил вино, а затем в огонь камина полетели сначала пустой бокал, а затем и стул, находившийся рядом и заброшенный в камин с помощью хвоста.

Дав выход гневу, мужчина подошел к камину, облокотился о теплый камень и, любуясь пламенем, прошипел:

— Не люблю светлых!

— Хел, я очень устал. Мы можем немножко отдохнуть? — жалобно заныл Хем.

Мы продолжали все время держаться переплетенными хвостами, но мальчик сильно устал, начал отставать и тянуть меня назад, и соответственно — остальных. А это уже критично, ведь всю группу пленников связали веревкой, накинув крепкие — руками не разорвать — петли на шеи. Только Хем болтался рядом непривязанным, хватаясь за меня уже несколько часов тяжелого пути.

Невыносимо хотелось пить, есть, а главное — в туалет, но арути привал делать не торопились, и пришлось, прилагая усилия, заставлять себя передвигать ноги.

Но я помнила предупреждение поймавшего меня арути: «Отстанет или задержит остальных — убьем».

Поэтому подобралась, собирая остатки сил, и, присев на корточки, сказала:

— Залезай! Быстро! — мальчик, хвала жизни, не раздумывая, забрался мне на спину, цепляясь за шею, и я, крикнув под его немалым весом и приложив немалое усилие, тут же встала.

Качнувшись из-за веревки, потянувшей за шею, и веса Хема, дернулась вперед, восстанавливая равновесие. Все же мы задержали цепочку пленных, но вроде обошлось. Теперь я шла, поддерживая демоненка за бедра, чуть наклонившись вперед, а он держался ручками за мою шею. Веревка между пленниками снова провисла, и я постаралась отрешиться от всего и передвигать ноги, не задерживая других. Если от усталости рухну на землю — нам обоим конец.

Привал все задерживался, и я, словно сомнамбула, шла вперед и вперед, не чужая от усталости ни рук, ни ног. Через час начала спотыкаться, из-за чего дергала за веревку идущих впереди пленников. Хем сам сполз со спины на землю и еще какое-то время шел вслед за мной. Но мы все устали, дико устали, и пережитые события сил не прибавили. Вскоре мальчик снова начал отставать, а я готова была зарыдать от отчаяния — нести его больше не было сил.

— Малец, ну-ка, иди сюда, — прозвучал позади меня строгий голос.

Мы с Хемом вздрогнули и одновременно обернулись, продолжая идти. Тот самый кражистый гном, старшина обоза, что разговаривал тогда с лордом Сиэлем, шел сразу за нами. Он криво усмехнулся, показав желтоватые зубы, и поманил Хема к себе, продолжая монотонно двигаться.

Заметив нерешительность и сомнение в наших глазах, гном пояснил:

— Садись на веревку позади меня. Мы с Доргом тебя понесем, а ты поедешь как на качелях. Только не забывайся, качаться будешь как-нибудь потом.

Я быстро кивнула в ответ на просящий взгляд бедняжки Хема, слишком уставшего и непривычного к таким длинным переходам, а гному хрипло прошептала:

— Моя благодарность безмерна, господин. Я лекарь, и если потребуется моя помощь, готов ее оказать.

Хем уселся на своеобразные качели, оба добровольных помощника теперь держали веревку руками, иначе та бы их задушила. Оглянувшись на ходу, я заметила, как гномы изумленно окинули взглядами мальчика: видимо, тоже удивились его немалому весу. А потом более внимательно оглядели нас обоих. Понятное дело: если я успела натянуть

простую, но добротную одежду обычного человеческого мальчишки, то Хем был в дорожном костюме с утепленной курточкой, подходящем для высокородного эльфа.

Кряжистый гном, руками удерживая веревку позади себя, так же тихо, уже мне в спину, произнес:

— Может, и пригодится, парень. Ты попроще изъясняйся, а то как бы кто другой не допер, что с нами двое высокородных. Арути часто продают своих пленных в восточные земли, а иногда своим богам жертвуют. Так вот, высокородных эльфов чаще всего в этом качестве и используют.

У меня от ужаса перехватило дыхание. Сглотнув слюну, прохрипела:

— Спасибо за совет.

Мимо нас прошел арути, раздраженно похлопывая нагайкой по бедру. Мы затихли, продолжая двигаться цепочкой. Я потеряла счет времени — как же долго мы идем. К нам присоединились еще две группы арути, которые тоже охраняли своих окровавленных, раненых пленников. Большею частью людей — мужчин, женщин, да и детей тоже.

Я отметила, что Дорг то и дело поглядывает на уже виденного мною раньше юного гнома, идущего непосредственно позади него, — беспокоится и присматривает. Возможно, это его родственник, а может, даже и сын.

Немного впереди, все сильнее хромя на раненую ногу, шел человек. Вскоре он не выдержал заданного арути темпа, рухнул на землю и больше не смог подняться. К нему подскочил охранник и начал стегать нагайкой по спине, разрывая в лохмотья и рубашку, и кожу. Но тут торопливо подошел тот самый арути, который пленил нас с Хемом. И что-то резко приказал соплеменнику, жестом указывая на речку, протекающую чуть в стороне от дороги.

Когда нас погнали к воде, я не могла поверить неожиданному счастью — неужели долгожданный отдых?! Пленники чуть ли не ползком ринулись к реке: всем нестерпимо хотелось пить. Весна в этом регионе выдалась нынче жаркая — это днем, а вот ночью будет холодно. После того как все напилось, встал острый вопрос с туалетом. Особенно у меня. Да и у других женщин, которых, в отличие от мужчин, гнали толпой, словно стадо.

Длины веревки хватало отойти метра на два от остальных, не больше, чтобы не тащить за собой нежелательных свидетелей. А народ уже активно использовал местную растительность. Терпеть мочи больше не было, поэтому в компании Хема пошла к дереву, судорожно раздумывая, *как я буду это делать при всех?* У корней дерева валялся кусок коры походивший на желобок, скорее всего отвалившийся от свисающей сверху ветки. Находка позволила мне выкрутиться из щекотливой ситуации.

Оглянувшись и отметив, что впереди нет никого, шустро использовала этот желобок из коры по назначению. Хем — еще ребенок совсем, ничего не поймет, и при нем не так стыдно, так что мы стояли спиной к остальным и оба журчали струйками, испытывая долгожданное облегчение.

Несмотря на возможное появление неприятного запаха при дальнейшем использовании, свою замечательную и своевременную находку я спрятала в карман штанов. Пригодится.

* * *

— Во имя силы, откуда они вообще взялись? — я нечаянно озвучила вслух навязчивую

МЫСЛЬ.

— Тебе правда интересно, Хел? — позади меня уже привычно за прошедшую неделю тяжелейшего пути раздался голос Мерита — того самого коренастого гнома, нашего с Хемом спасителя. Когда мальчик уставал, они с Доргом сажали его на веревку и тащили как на качелях. Как позже выяснилось, паренек-гном, шедший за Доргом, — его племянник, который впервые поехал с обозом, обучаясь у дяди торговому делу. Вот так не повезло Севасу оказаться пленником в первую же свою поездку.

По мере приближения к невысокой горе, которую я в очередной раз окинула тоскливым взглядом, почва под ногами становилась более каменистой, леса встречались все реже, и деревья становились все ниже.

Мы дошли до земель арути, граничащих с человеческими. И хотя все еще находились в пределах территорий людей, начали понимать, что арути явно вознамерились отхватить себе кусок чужой земли побольше. Впереди показался длиннющий частокол из грубо тесанных бревен, тянущийся до самой горы.

— Да, Мерит, интересно. Хочется знать — кого проклинать за такую ошибку природы, — устало пробормотала я, прислушиваясь к стуку кирок по камню.

Гном хмыкнул, я услышала, как Дорг с Севасом — тоже. По-видимому, они уже раньше слышали историю, что собирался рассказать бывший обозничий.

— Ну что ж, все гораздо проще, чем можно предположить, Хел. Когда-то бог драконов Дракен поспорил с богом людей Людесом. Каждый из них считал, что создал совершенных разумных существ. Они так громко спорили, что чуть не уничтожили своих детей. В итоге Дракен отправил драконов жить в горы, предварительно снабдив крыльями, а Людес сделал так, что людям стало тяжело жить в горах, и теперь они селятся только на равнинах. Обе расы несовместимы и, как ты наверняка слышал, по сей день не любят друг друга.

Выслушав легенду, я обернулась и недоуменно спросила у Мерита, не обращая внимания на откровенные ухмылки Дорга с племянником:

— А при чем здесь арути?

Мерит тоже ухмыльнулся в ответ.

— Так злая и глупая богиня Ара, ставшая свидетельницей этих разборок, решила, что она — самая хитрая. Подумала, что раз Дракен и Людес так и не смогли миром разрешить спор, значит, их творения действительно совершенны. И если она совместит две расы, то сможет создать еще более прекрасную — самую лучшую и могущественную, которая вознесет ее, как демиурга, над другими богами. Недолго думая, богиня соединила людей с драконами и получила то, что мы имеем на данный момент, — глупых, страшных, но хитрых и сильных арути, которыми правят женщины.

— Да-а-а уж... — ошеломленно протянула я, дослушав Мерита.

Все замолчали, мы подошли к частоколу и сейчас длинной, бесконечной, цепочкой двигались вдоль него. Несмотря на жуткое положение, в котором мы оказались, все пленники пытались держаться вместе. Меня, Хема и Севаса с отчаянным упорством оберегали два умудренных жизнью гнома.

За прошедшую неделю некоторые пленники пытались бежать, но — безрезультатно и плачевно. Беглецов ловили и принародно забивали нагайками до смерти, уничтожая в других пленниках дух сопротивления и надежды на свободу. Мой дух ушел в пятки, а в глаза Хема вновь вернулись знакомые по первым дням нашего путешествия пустота и безразличие.

Всюду сновали многочисленные арути, еще сильнее подавляя волю. Я всеми фибрами

своей души возненавидела мерзких чудовищ и, так же как и остальные, тайком провожала испепеляющим взглядом этих недодраконов-недолюдей.

За деревянной стеной-частоколом, куда завели нашу колонну, расположилось огромное поселение. Но больше всего поражала огромная дыра в горе — тоннель, ведущий в подземную пещеру, откуда такие же пленники, как и мы, носилками вытаскивали камни и землю — новоявленными хозяевами активно проводились работы по углублению. За частоколом уже высилась земляная гора, подтверждая масштабы деятельности.

Мерит приглушенно и зло прокомментировал размах увиденного:

— Они роют подземный город, как тролли или гномы. Судя по отвалу, сразу большой — наверняка с целью обосноваться здесь навсегда. Из подобного укрытия, да с такими ресурсами их отсюда будет не выковырнуть.

Дорг не менее озабоченно добавил:

— Людей подвинут в этом районе основательно. А потом арути, конечно же, объединят старые и новые владения и расползутся как чума, захватывая все больше и больше земель. Война неизбежна... Если сейчас не остановить... не уничтожить...

Хвост нагайки неожиданно и резко опустился на спину Мерита, заставляя всех вздрогнуть и ускорить шаг: нас распределяли по длинным и низким деревянным баракам.

Внутри одного из таких барakov, куда нас затолкали, было тесно, сильно воняло потом, кровью и мочой. Отхожее место в виде четырех дощатых стенок располагалось чуть в стороне, но количество пленников было просто немыслимым.

Мы впятером пробирались по бараку в поисках свободного места, которое обнаружилось лишь в самом конце. В темном углу кто-то лежал на грязной циновке и тихо надрывно стонал. Чуть в сторонке, устало привалившись к стене, сидя дремали двое мужчин-людей, но, увидев нас, открыли глаза и предупредили:

— Осторожнее, это раненая оборотница. Она сошла с ума и может загрызть любого, кто к ней приблизится.

Понятно, почему здесь гораздо больше свободного места, чем во всем бараке. Я осторожно приблизилась к маленькой скрюченной женщине, лежащей в углу. Та зарычала, но было заметно, что это просто рефлекс: несчастная медленно умирала и безнадежно порывалась на окружающих.

— Что с ней случилось? — спросила я у мужчин.

Один не обратил на вопрос никакого внимания, а второй безразлично пробормотал:

— Ее поймали три дня назад, сильно избили. С тех пор вот так и лежит. Только огрызается на всех.

Он замолчал, едва раздался неприятный резкий звук: кто-то бил металлом по металлу. Все сразу засуетились и начали продвигаться к выходу из барака.

Мерит схватил мужчину за руку и требовательно спросил:

— Что это за сигнал?

Тот раздраженно выдернул руку, но ответил:

— Еду раздавать будут.

— А раненую кто-нибудь кормил? — тут же поинтересовалась я.

— Кормят только тех, кто пришел за едой, — передернул плечами мужчина, — одна порция в одни руки. Немощных и раненых тут просто добивают и выкидывают на отвал.

Я остановилась, в очередной раз потрясенная жестокостью арути, но Мерит, не обращая внимания на мое состояние, подтолкнул нас с Хемом к выходу.

— Идем, нам всем нужно поесть. Или хочешь стать как она? — настойчиво прошипел гном.

Отстояв очередь и получив каждый свою пайку, мы отошли в сторонку. Но заставить себя есть я так и не смогла — и дело совсем не в том, что похлебка была тошнотворного вида. Голод не тетка — с ним не поспоришь. Просто перед глазами стояла картинка умирающей от голода и ранений женщины.

Я позволила себе съесть лишь немного похлебки, покрошила в нее остатки пресной, напоминающей камень, лепешки, что выдали каждому пленнику, и теперь ждала, когда поест Хем. Гномы заметили мои действия и поняли, что я намерена сделать. Мерит не доел свою порцию, хотя та была явно мала для взрослого голодного мужчины, и протянул мне. Я благодарно кивнула, принимая от него этот дар. В ту же тарелку переложил часть своей порции и Дорг. Когда все поели, я, закрывая тарелку полой куртки, понесла пищу в барак.

Добравшись до женщины, отставила еду в сторону. Не обращая внимания на предупреждающее рычание, села сбоку и, протянув руки, отпустила свою силу, обращаясь к пациентке:

— Тихо, тихо, миленькая. Сейчас полечим, а потом покушаешь. Все будет хорошо.

Как всегда при лечении, отрешилась от всего. Закончив латать раненое тело, тяжело дыша, посмотрела на женщину. Она продолжала лежать скрючившись, но уже не рычала, а издавала тихие жалобные стоны.

Я перевела взгляд на Мерита, который стоял рядом, наблюдая за процедурой, и тихо сказала:

— Не понимаю... Все раны я залечила, но ей все равно плохо и становится еще хуже... Может, из-за того, что она беременна?

Мерит присел рядом со мной на корточки, заглянул мне в глаза и ответил:

— А я все думал, когда ты проговоришься? Хотя, должен отдать тебе должное, держалась ты молодцом. Лишь эта несчастная заставила тебя забыть об осторожности.

Я в тревоге прикусила губу. На мгновение стало страшно, но теперь, узнав этих трех гномов поближе, почему-то была уверена — они не предадут.

Мерит хмыкнул, с пониманием глядя на меня, а потом неожиданно так же тихо добавил:

— Знаешь, по торговым делам я часто бываю у оборотней, и крайне удивлен, как они допустили, чтобы беременная самка осталась без защиты — даже арути схватили. Странно! Я слышал, что во время беременности самки пьют кровь отца детенышей, необходимую для полноценного развития дитя.

Я тут же заинтересовалась:

— А может, любая кровь подойдет? И наша? Что делать в подобных ситуациях?

Дорг подошел вплотную и тоже очень тихо сказал:

— Чтобы ей стало лучше, конечно, подойдет и любая, но есть одно большое «но». Мужчину-донора она то ли привяжет к себе, то ли она привяжется сама — я толком не знаю. Но в стаях беременные самки принимают кровь только отца детенышей или, в крайнем случае — другой женщины. Так что дать ей нашу с Меритом кровь — это самоубийство. Если выживем, нас папаша ее детенышей потом на клочки порвет...

Не слушая дальше, я закатала рукав и, сунув запястье к лицу женщины, смотревшей на нас глазами, полными боли, наклонилась и тихо предложила:

— Кусай! Я не мужчина, так что ничего страшного не произойдет.

Оборотница не раздумывала — клыки впились в мою руку, разрывая плоть и причиняя

дикую боль. Теперь застонала я, чувствуя, как по подбородку течет кровь: от боли мои собственные клыки поранили мне губы.

Женщина жадно глотала кровь и даже причмокивала. Когда я почувствовала, что голова начала кружиться, буквально силой выдрала свою руку из захвата и сразу залечила ранку — правда, небольшой след на запястье все же остался.

Дорг тем временем пододвинул к женщине тарелку с едой. Она, не думая о манерах, схватила ее и, пальцами выхватывая куски из бульона, начала лакать жижу. Это выглядело очень по-звериному и в то же время совсем не вызывало у меня отвращения или неприятия. Маленькая, несчастная, голодная самка вызывала невероятное сочувствие и жалость.

Покончив с едой, оборотница дочиста вылизала тарелку и только после этого взглянула на меня и остальных. Ее узкие красивые глаза светились в полумраке барака; черные длинные волосы слиплись от крови и пота, свисая неопрятными сосульками вдоль лица и по спине. На смуглую кожу налипли ошметки сена и грязи. Внешность ее была типичной для оборотня: высокие скулы, чуть вытянутое лицо с острым подбородком, острые ушки, расположенные гораздо выше, чем у большинства рас. А у этой конкретной самочки был большой рот с пухлыми, четко очерченными губами, изящный вздернутый носик и идеальные черты лица. Даже такая — немытая, нечесаная, она оставалась по-женски привлекательной, а жалкий вид лишь добавлял ее облику незащитности и уязвимости.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я, стараясь не делать резких движений.

— Мика! — тут же откликнулась она, пока с усилием приподнималась и усаживалась, прислонившись к стене.

— Как ты здесь очутилась и почему — одна, без своего мужчины? — сурово спросил Мерит.

Мика нахмурилась, потерла ладонями грязное лицо, забавно размазывая налипшую грязь и стряхивая сено. Потом вдруг закрыла ладонями лицо и начала странно вздрагивать всем телом. Я устроилась рядом, догадавшись, что с ней и почему она молчит. Бедняжка навалилась на мое плечо, обняла руками за шею и заплакала. Сильно, навзрыд, но почти неслышно, закрывая рот кулаком.

Трое гномов уселись между нами и другими жителями барака, по возможности закрывая нас от всех остальных. Хем примостился с другого бока, снова переплетая наши хвосты, но не глядя ни на кого.

Чуть позже, выплакавшись, Мика, печально всхлипывая, неожиданно ответила:

— Дурная я! Вот и вся история.

Дорг с Меритом насмешливо хмыкнули, а девушка подняла ко мне заплаканное лицо. Помявшись, неуверенно спросила:

— А как там?..

Я тут же догадалась, о чем она хочет узнать, ласково, успокаивающе похлопала будущую мамочку по спине и ответила:

— С малышами все хорошо. Как часто тебе потребуется моя кровь?

Она, с трепетом вглядываясь в мое лицо, уточнила:

— Двое?

Я кивнула, улыбаясь. Мика покачала головой, видимо, все еще не веря, а потом пояснила:

— В последние годы мы рожаем все реже. Не знаю почему, но старшие так говорят. Почти всегда один щенок, а тут — двое... А не известно — кто?

— Самцы! — ответила я, и уже все мы дружно заулыбались.

— Керин будет счастлив занять в стае двух новых воинов, — с улыбкой произнесла оборотница, но тут же сникла, спрятала взгляд и словно стеной отгородилась. Говорить или рассказывать о себе она точно не хотела.

По сгущающейся в бараке темноте стало понятно, что приближается ночь. Гномы устраивались на ночлег, укладывая в изголовья вещмешки. Я тоже очень устала, потому сняла рюкзак и легла, подгребая под бочок Хема. Он довольно скоро засопел — совсем вымотался.

Когда я уже уплывала в сон, рядом раздался шепот Мики:

— Благодарю тебя. Ты спасла жизнь мне и моим детям — никогда этого не забуду. Теперь мы сестры по крови, и я хочу знать твое имя.

— Зови меня Хел, Мика. А вообще, мое имя Хельвина. А это — мой братец Хем, — ответила я едва слышно — уж оборотень точно услышит без проблем.

— Братец ли? — хмыкнула Мика, а потом добавила: — Запах демона любой щенок распознает, не то что самка в положении. Мы сестры, Хел, я никогда не предаю тебя и теперь всегда буду на твоей стороне.

Страх, возникший было при упоминании о демоне, прошел, когда Мика умолкла. Тяжело вздохнув, пожала ей руку и, крепче обнимая Хема, наконец, уснула.

* * *

Любопытную процессию возглавляли несколько мужчин-арути. А все, кто стоял у них на пути, должны были встать на колени, о чем нам дали знать традиционным образом — больно пройдясь нагайками по спинам, заставляя упасть на острые камни.

Вскоре мимо нас прошли три женщины-арути, и мы увидели их вблизи. Впервые за неделю пребывания в плену. К моему удивлению, эти — язык не повернется назвать их женщинами! — дамочки оказались крупнее своих мужчин и гораздо, гораздо страшнее. Сморщенные лица выражали лишь высокомерие и презрение к любому существу, находящемуся рядом. Даже на самцов арути они холодно смотрели своими жуткими змеиными глазами и только коротко и резко отдавали приказы.

— Да-а-а уж, красота неопишуемая! — пробормотал рядом со мной Дорг, вытаскивая из-под колена камушек.

— Зато теперь понятно, почему полуящеры чужих женщин продают, а не используют сами, — пробормотал Мерит и нарочито печально закончил: — Видимо, слишком велика разница в понимании красоты и желанности.

Похоже, женщины сегодня прибыли инспектировать строительные работы. Арути нервничали и злились более обычного — нагайки так и летали над спинами рабов. Мы дружно провожали взглядами группу арути. Почему-то сегодня все было не так, как в предыдущие дни.

Вот и жуткого вида дамы, впервые выползшие из большого деревянного дома, где до этого проводили все свое время, теперь громко спорили, размахивая руками, и среди них особенно выделялась самая крупная и старая — бесспорно глава этого клана. Как только они прошли дальше, охрана вновь погнала нас работать.

Я, натужно кряхтя, бросила на носилки очередной камень. Хем вслед за мной положил кусок темной породы. Разогнулась, чувствуя, как ноет натруженная за сегодняшний день

спина, а между лопатками течет пот, и осмотрелась.

— Не нравится мне эта суета! — проворчал Мерит, задумчиво осматриваясь.

Повинуясь неожиданному приказу главной самки, охранники арути суетливо забегали вдоль стен, сбивая пленных в кучу и толкая к баракам.

Мика скользнула к нам поближе и, встав возле моего плеча, прошипела:

— Я чую запах дыма с севера.

Дорг положил руку на плечо племянника и коротко приказал:

— Дым — это предупреждение! Севас, держись все время рядом.

Хем вклинился между мной и Микой и, привычно переплетя наши хвосты, обнял меня за талию. Оборотница злобно зашипела на него:

— Прочь от меня! Ты воняешь... демоном.

Гномы за прошедшую неделю тоже догадались, что Хем — демоненок, поэтому Мика не считала нужным скрывать как свои откровенно недружественные чувства к мальчику, так и его происхождение.

Мне уже трижды пришлось давать ей свою кровь, и, тем не менее, с каждым днем между Хемом и Микой росла пропасть. Я не сразу разобралась, что размолвка вызвана ревностью и невероятным собственническим чувством обоих в отношении меня. Теперь стало ясно, почему гномы отказались давать собственную кровь оборотнице. Но почему Хем так ревнует меня к девушке — непонятно. Я все время была рядом с ним, защищала, заботилась, как могла и умела. Часто обнимала и прижимала к себе, и, пожалуй, слишком сильно привязалась к нему, воспринимая как единственное близкое, родное существо.

— Думаю, мы все воняем как помойные ведра, учитывая, что мылись последний раз недели две назад, — примирительно сказала я, пытаюсь сгладить ситуацию.

Мика фыркнула и ехидно заявила:

— Ты пахнешь как прелая трава в осеннем лесу, а твой демоненок серой воняет... или кострищем.

Мерит открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут сразу с нескольких сторон раздались звуки горна. Арути всполошились, кинулись к стенам и воротам, охранники с удвоенной энергией принялись загонять рабов в бараки.

— Эх, а ведь до ужина совсем немного осталось, — тоскливо протянула Мика, поглядывая в сторону огромного котла, манившего запахом горячей еды.

Мы даже к этой мерзкой похлебке привыкли и теперь с нетерпением ждали, когда раздастся знакомый звон, извещающий об ужине или завтраке. Частенько нас и вовсе не кормили: видимо, не считали нужным.

Возле котла стоял котелок, куда наливали еду для охранников, которые несли службу в глубинах пещеры. Проходя мимо котла, ушлая Мика неожиданно быстро осмотрелась — не видят ли ее проделку арути, — схватила котелок и одним резким движением зачерпнула похлебки. И, не останавливаясь, засеменила к бараку. Пока я хлопала глазами, Севас подхватил с земли ложки и гномы окружили девушку, скрывая от других свою ценную добычу.

— А ничего, что я тоже взял немножко еды? — неожиданно спросил Хем.

Я глянула на него и увидела, что в каждой грязной ручонке зажато по круглой лепешке. Схватила хлеб, сунула его за пазуху и хвостом потянула мальчика за собой. Мы с Хемом часто таким способом держались друг за друга, это стало для нас чем-то естественным и необходимым.

Мы пробрались в свой угол барака, где наши друзья уже уселись кружочком, и я выложила добытые Хемом лепешки.

— Мы точно сестры, Хел! — довольно прошептала Мика.

— Нет, это Хем добыл, — смущенно ответила я.

Оборотница скривилась, но промолчала. А вскоре мы дружно склонились над котелком и, разделив хлеб, быстро уминали еду. Нашу нечаянную радость прервали новые звуки, раздавшиеся снаружи барака.

— Похоже, ворота тараном пробивают, — проглотив кусок, заключил Мерит, прислушиваясь к резким глухим ударам.

Мы дружно забыли про оставшуюся на дне котелка еду и, дожевывая на ходу, рванули к щелям в стенах. Я вскрикнула, схватила Хема и оттащила в сторону. Казалось, горящие стрелы летели с неба прямо в нас. Словно огненный дождь! По бараку разнеслись крики боли и предсмертные хрипы — не всем удалось вовремя отскочить от стен.

— Крюки! Крюки на стенах! Арути штурмом берут! — крикнул кто-то в стороне.

— Девки, держитесь за нашими спинами! — прорычал Мерит, начиная сноровисто выламывать крепкими ручищами доски из стены барака.

Кое-где начали появляться язычки пламени, и под соломенной крышей барака поползли струйки дыма.

Дорг и Севас присоединились к Мериту, а мы — «девки» и Хем — жались возле столба. Мика круглыми от ужаса глазами наблюдала за огнем, но сдерживалась, ожидая, когда гномы сделают лаз.

— Горим! — заорали на другой стороне барака.

Началась паника и суета. А за стенами уже разгоралась битва. Дождь из стрел прекратился, и в свете заходящего светила сквозь щели я увидела, как сотни людей прорвались через ворота и начинают теснить арути.

Разъяренная, хорошо вооруженная толпа вгрызалась в ряды монстров. Но кланы арути — это не селяне и не торговцы, а воины, захватчики с четкой военной иерархией, и в данный момент они защищают себя и свое будущее. Потому-то исход схватки предсказать было сложно.

В драку вливались все новые и новые силы. Бывшие пленники-рабы хватили кирки и перли напролом на своих недавних хозяев.

Мерит и Дорг вырвали еще пару досок и полезли наружу: барак уже вовсю горел.

— Быстрее! — крикнул Севас Мике, которая, зачем-то прихватив котелок, возилась, пропихивая его в отверстие.

Я помогла выбраться Хему и выбралась наружу сама. Мы следом за гномами рванули к забору в направлении прохода к отвалу. Сейчас его никто не охранял, видимо, потому что там гора и обрыв. Я не думала, зачем и почему мы бежим именно туда, а действовала на инстинктах. Хорошо хоть по привычке вещмешок прихватила, как Мика — котелок. Ну, это уж кому что дорого, то из пожара и выносят. Впрочем, у нас и выносить-то больше было нечего. А вообще — странные мысли иногда приходят в голову в суровых обстоятельствах.

Неожиданно из-за кучи породы на нас выскочили двое вооруженных арути. Я испуганно затормозила, Хем — тоже. Зато Мерит с Доргом, по ходу дела подобранные кирки и лопаты для возможной защиты, ринулись прямо на монстров. Мика и тут не растерялась: удачно запустила котелок в голову одного из арути, на мгновение оглушив и дезориентировав чудовище, стоящее между нами и свободой.

В состоянии крайнего изумления — если не обалдения! — я смотрела, как оборотница прямо в движении частично трансформировалась в волчицу и прыгнула на грудь арути, впиваясь зубами в его незащищенную глотку. Рывок — и кровь толчками бьет из разорванной шеи врага.

Мика отпрыгнула в сторону и, низко пригибаясь к земле, подобралась к обороняющемуся от гномов второму монстру, который загораживал нам проход наружу. Но троим гномам наконец удалось добить его лопатами. Мериту до крови рассадили руку, однако он не позволил нам ни останавливаться, ни медлить:

— Быстрее! Быстрее! Не факт, что люди сомнут арути...

Выбравшись за частокол, мы принялись изо всех сил карабкаться вверх по крутому каменистому отвалу. С высоты было видно, что битва на территории поселения в самом разгаре, и людям все же удастся теснить арути и гнать их в пещеру.

— Зачем они их в пещеру загоняют? Там же невозможно будет их достать! — приостановившись на мгновение, не удержалась я от вопроса.

— Подземный город не готов, выходов запасных нет, еды — тоже нет, но зато там есть множество рабов. Люди берут их в клещи. Если что, просто заблокируют выход и возьмут этих недодраконов измором, — пояснил Мерит.

Я положила ладонь на его раненую руку и отпустила силу, чтобы остановить кровь и залечить рану. Гном благодарно кивнул.

— Не такие уж и сильные у арути прорицательницы! — ехидно, с нотками победителя в голосе, заключила Мика, вытирая рукавом лицо, замазанное кровью. Чужой кровью!

Но, как ни странно, меня это уже не так сильно волновало. Слишком многое произошло за неделю *такого*, что навсегда изменило мое восприятие жизни. Заставило еще больше повзрослеть и обрести толику здорового цинизма. Наверное, месяц назад меня бы мутило и рвало от вида оборотницы, разрывающей глотку арути, а сейчас я просто старалась не думать об этом и не смотреть на заляпанное чужой кровью лицо. Звериные черты исчезли, будто растворились, и Мика поглядывала на меня блестящими печальными глазами. Думаю, неожиданно обретенная кровная сестра догадывалась о моих чувствах.

Присмотревшись, я разглядела у нее в руках котелок, что неожиданно развеселило.

— Мика, кто о чем думает, а ты — всегда о еде. И так мило смотришься с котелком... — весело сказала я.

Она как-то удивленно покачала посудину в руке, держа за ручку, и горько выдавила:

— Я никогда раньше не голодала. В лесу всегда можно найти еду или дома покормят. А теперь вот беременная, вечно голодная — да мне еда даже во сне снится...

Мерит похлопал оборотницу по плечу со словами:

— Все, что ни делается, — к лучшему. Давайте побыстрее убираться отсюда, а то стоим как на ладони.

Когда луна неохотно заняла небосклон, выбравшись из-за облака, мы вышли в долину, поросшую лесом. Дорг со вздохом облегчения опустился на колени, помогая Хему слезть на землю. Мальчик устал настолько, что с час назад гному пришлось предложить ему ехать «на закорках». Впрочем, все мы устали, очень скоро улеглись спать, для тепла сбившись в кучу.

— Похоже, когда-то здесь жила семья гномов, — сообщил Севас, пока мы устало рассматривали старую прогнившую хибару, расположенную в нескольких метрах от речушки, где мы устроили привал, чтобы передохнуть и напиться.

— И откуда такие выводы, гном? — насмешливо поинтересовалась Мика.

Мне тоже стало любопытно узнать ответ, и я вопросительно посмотрела на паренька, стоявшего между Меритом и Доргом. А дядя с улыбкой потрепал племянника по грязным темным вихрам.

— А вот, — молодой гном жестом указал на необычное нагромождение камней прямо на берегу, — каменка стоит. Это наши соплеменники так делают, чтобы мыться или лихоманку лечить.

В первый момент мне показалось, что это просто кто-то камни свалил в кучу, но, подойдя поближе, рассмотрела сооружение из камней и глины в форме груши, высотой в рост гнома. Эльфу здесь было бы низковато, да и тесно — мы все же гораздо выше гномов да и в плечах пошире.

— И как это происходит? — поинтересовалась Мика, скептически обходя вокруг и рассматривая каменку.

Севас бросил короткий взгляд на родственника, поймал его одобряющую улыбку и пояснил нам:

— Внутри есть место, где разводят огонь. Камень нагревается, и становится тепло, можно мыться в любую погоду. В речке купаешься, а потом в каменке отогреваешься — очень удобно.

— Может, тогда и нам здесь помыться можно? — жалобно обратилась я к Мериту.

После побега прошло два дня, но старый гном все еще упорно гнал нас вперед похлеще злобных арути, почти не давая продыху. Он нахмурил лоб, углубляя морщинки, почесал затылок, вновь окинул взглядом окружающий лес и почти развалившуюся хибару и только потом ответил:

— Ладно, давайте передохнем здесь. Место больно удобное, да и помыться, действительно, не помешает. А то скоро что любой зверь, что охотник за версту нас учует.

Мы дружно обрадовались словам старого гнома. Само собой вышло, что он с первых дней плена стал нашим старшим. Впрочем — немудрено, ведь у него жизненного опыта сколько, да еще путешественник бывалый — большую часть жизни в дороге провел, в отличие от нас. Даже своевольная Мика беспрекословно выполняла его приказы.

— Хел, а можно мне тыкву съесть, а то кушать хочется очень? — ко мне подбежал Хем. В руках он держал круглый оранжевый овощ, неведомо откуда взявшийся: или перезимовал удачно, или обронил кто.

Мальчик неожиданно споткнулся, упал и расстроено смотрел, как тыква разваливается на куски, выпав из его маленьких ручонок. До меня долетел тонкий вкусный аромат этого полезного плода. Хем подобрал кусочек и, не дождавшись моего ответа, принялся жадно есть, смешно выгрызая мякоть.

— Мало того, что неуклюжий и слабый, так еще и травоядный! — презрительно фыркнула Мика.

Во мне поднялась злость на оборотницу за обидные слова. Демоненок же, не обращая на нее внимания, сосредоточенно и с аппетитом лопал тыкву, а вот я стерпеть не смогла:

— Что ты вообще о нем знаешь, Мика? Все время только и делаешь, что шипишь на него и обижаешь. Ему шесть лет — малыш совсем. А сколько он вынес за свою короткую жизнь!

И видел пока лишь предательство да нелюбовь окружающих. Им не занимались, не тренировали, как положено, но только за эти дни мальчик значительно прибавил в выносливости. Он слаб, потому что вел образ жизни, который навязали родственники, и, несмотря на это, терпит невзгоды получше некоторых взрослых, учится у жизни, на ходу становится сильнее, быстрее...

— Если бы не ты... — попыталась прервать меня Мика.

— Если бы не она — и ты бы сейчас лежала на том отвале мертвая! — оборвал ее Мерит. — Хем — маленький, а чем ты можешь оправдать свои выходки? Сама недавно сказала, что глупость и дурость стали причиной твоего пленения, и я убеждаюсь, что ты, к сожалению, не поумнела.

Услышав гневную отповедь Мерита, оборотница захлопнула рот, опустила голову и пошла к воде. Старый гном повернулся, бросив взгляд на демоненка, который во время перебранки, удобно привалившись ко мне спиной, увлеченно догрызал оранжевую мякоть.

— Не думай о ней плохо, Хел. Испокон веков оборотни враждуют с демонами. Понимаешь, она сама вряд ли сможет объяснить, почему не любит Хема — это память предков. Тем более, вы связаны твоей кровью. Мы предупреждали, что так будет. Инстинкты оборотня срабатывают: ты теперь — ее собственность, а на тебя посягает чужак, и неважно, что маленький. Возраст для ваших рас не помеха, ты слишком молода еще, и мальчик скоро подрастет, а кровного родства у вас нет...

Я положила руки на плечи Хема и, сильнее прижав к себе, выдохнула:

— Да он мне как младший брат... Или даже как сын.

— Это еще хуже! — пожав плечами, заявил Дорг.

Опешив, я уставилась на гномов, недоуменно переводя взгляд с одного на другого.

— Почему?

— У демонов-мужчин очень сильны только два чувства: к матери и избранной. Все остальные легко меняются в угоду их эго и желаниям, — ответил Дорг.

— Ну и что в этом плохого? — удивленно переспросила я.

— А ты сама еще не догадалась? Ему всего шесть лет, но он уже плохо переносит других возле тебя, ревнует к Мике... Я могу, конечно, и ошибаться — не так уж и хорошо знаком с этой расой, — но опыт подсказывает, что дальше будет хуже. У демонов есть кодекс чести, и только он единственный управляет их жизнью. Моральных принципов фактически нет. Когда Хем подрастет, ты поймешь, о чем я говорю. Так что советую как можно быстрее вернуть мальчика соплеменникам и забыть. И бежать от них как можно дальше, чтобы не вспоминали — ни добрым, ни плохим словом.

— А демоницы? — переваривая подробности из жизни демонов, отнюдь не из справочника почерпнутые, поинтересовалась я.

Дорг ухмыльнулся и ответил:

— Да все то же самое — исключительная привязанность к отцу и избранному мужчине. Хотя, опять же, насколько я слышал, избранных может быть и двое. А теперь представим, как мужчинам-демонам с подобными собственническими замашками приходится уживаться в столь тесной компании... Короче, смертность в таких союзах колоссальная.

Севас слушал дядю с таким же открытым ртом, как и я. Заметив это, Мерит не выдержал и расхохотался:

— Ну, чисто дети малые!

— Опять сказки, а я-то думал, что вы правду говорите, — обиженно нахмурился парень.

Дорг пожал плечами и меланхолично заметил:

— Племяш, не забывай — в каждой сказке доля правды скрыта. А в данном случае мне шутить резона нет. Уж с этим мальцом Хельвина попала так попала.

— Так это действительно правда, Дорг? — тоже засомневалась я.

Мерит еще пуще захохотал, хлопая себя по ляжкам. Даже Мика, заинтересовавшись причиной веселья, подошла поближе, забыв о своих обидах.

— Девочка, как же ты своего парнишку воспитывать будешь, если сама ребенок еще? И в сказки не веришь, и словам порядочного гнома — тоже? Уж поверь Доргу, сделай милость, — попросил Мерит, успокаиваясь.

Я смутилась, погладила Хема по голове, и в этот момент он сам потянулся за моей ладонью лбом. В последние дни шишки на лбу у мальчика покраснели, начали шелушиться и, по-видимому, сильно чесались. Он аж млел, когда я гладила его лоб, чесался о мое плечо, когда мы отдыхали на привале или в плену у арути. И сам все время тер лоб руками, расчесывая шишки до крови.

— Ага, рога полезли — взрослеет, — ехидно прошипела Мика, с раздражением поглядывая на Хема.

— Мика! — предупреждающе прорычала я.

Девушка подняла на меня виноватые глаза и, извиняясь, пожалала плечиками.

— Так, ну что, мы с Севасом готовим каменку, Дорг — костер и спальное место, а вам, девочки, придется поохотиться. Справитесь? — поспешил с распределением обязанностей наш старший.

Учитывая тот факт, что кроме Хема все умеют охотиться, не зря же меня Ниса учила пропитание в лесу добывать, а Мика — оборотень, вопрос был скорее риторическим, ну, или из вежливости.

Мы согласно кивнули и разошлись. Хем устал, и потому я попросила Дорга научить демоненка правильно разводить костер и готовить ночлег, чтобы ему не пришлось ходить за мной по лесу.

Подхватив самодельный лук, направилась в лес следом за Микой.

— Прости меня, Хел. Я понимаю, что Хем тебе дорог, но ничего не могу с собой поделаться. Мой зверь его не выносит. Более того, считает врагом — слишком опасным, чтобы держать его так близко.

Мика пристроилась рядом со мной и ступала по земле почти бесшумно, а говорила тихонько.

— Но ведь он маленький, Мика! — попыталась поспорить я.

Она взяла меня за руку и, заглянув в глаза, ответила:

— Из ваших рассказов я поняла, что он воспитывался у светлых? И тем, судя по его апатичности ко всему, кроме еды и тебя, было, в сущности, плевать на него. Он ничего не умеет, мало что знает...

— Ты ошибаешься, Мика, он прекрасно знает географию, несколько языков... — я попыталась защитить Хема от новых нападок.

— К нам периодически приезжают делегации демонов, — перебила меня Мика. — Пару раз я видела их детей. Не таких маленьких, как Хем, но все же... — Мика замолчала, что-то припоминая или обдумывая. — Так вот, их система воспитания отличается от вашей, Хел. В первую очередь демонов обучают защищать себя и свою семью, во-вторую — убивать врагов. И только затем — охотиться и всему остальному. И все это с рождения, Хел. В его возрасте

Хем уже был бы смертельно опасным хищником, потому мой зверь так на него реагирует. Любой, кто умеет чувствовать опасность, почует ее в Хеме. Просто нам повезло, что светлые не позволили ему раскрыть свои способности и не привили навыки воина, как это сделали бы демоны.

— Лучше расскажи, как ты в подобной ситуации оказалась? — решила я сменить тему разговора.

Но Мика, которая, несмотря на тяжелый разговор, все время смотрела по сторонам и вверх, после моего вопроса шустро полезла на дерево. Я тоже заметила гнездо, из которого оборотница стала перекладывать яйца за пазуху. Потом так же проворно спустилась вниз, а я удивленно заметила:

— Странно... Почти лето на дворе, а тут — яйца...

— Это серпуг, они круглый год яйца несут, как куры, — довольно хмыкнула в ответ Мика. — И на вкус такие же! Вот бы нам подстрелить серпуга! — мечтательно протянула охотница.

Через какое-то время — о, удача! — нам все же повезло подстрелить этого самого вожделенного серпуга. Толстого, большого! Довольная Мика готова была его сразу сырым слопать, но я решила, что понесу сама — во избежание соблазна у охотницы.

— Э-эх! — разочарованно выдохнула оборотница, — еще несколько месяцев полностью оборачиваться нельзя.

— Почему? — с большим интересом спросила я.

— Я беременна, это может спровоцировать выкидыш. Пока самки в положении, они могут лишь частично трансформироваться, и то в крайнем случае — для защиты.

— А как же охота? — тут же решила уточнить я.

— Хел, обычно, когда случается такое чудо, и мы ждем щенков, вся стая заботится о женщине. Отец семейства сходит с ума от беспокойства и буквально заваливает свою пару едой, и в любое время дня и ночи готов предоставить свою шею, чтобы поделиться кровью. Поэтому нам нет смысла рисковать будущими детенышами и охотиться.

Я не стала вновь задавать вопрос: как она очутилась в плену. Моя напарница нашла несколько съедобных грибов и тоже отправила за пазуху. А я набрала разных травок для горячего отвара и для приправы к птице, чтоб вкуснее была.

Нашу добычу гномы и Хем очень оценили, быстро разделали и поставили варить, в очередной раз порадовавшись, что Мика прихватила с собой котелок. Пусть просто была не в силах расстаться с остатками еды, зато сейчас он нам весьма пригодился.

Гномы предложили нам мыться первыми: волосы будут долго сохнуть, а вечер уже на носу. На том и порешили. Они остались варить обед, повернувшись к нам спинами, а мы пошли греться в каменку.

Внутри обнаружилась старая почерневшая лавка. Возле выхода я положила мешок с вещами. Достала оттуда две ни разу не надевавшиеся чистые рубахи. А грязную заскорузлую одежду мы сложили рядом, чтобы потом попытаться отстирать: лишних вещей у нас нет. Особенно у Мики — я и так отдала ей последнее.

Еще во время охоты мы с Микой нашли мыльный корень, который собирались использовать для мытья, хотя запах при этом выделяется и резковатый, но все равно пригодится. Потом мы скоблились с песком в речке, затем бежали греться в каменку, и так — пока волосы и кожа не заблестели от чистоты.

Стирали тоже голышом, чтобы не намочить и не испортить чистую одежду. Я впервые

попала в ситуацию, когда пришлось раздеваться догола при посторонних, пусть даже в присутствии одной только Мики. У светлых такое не принято, и это вызывало во мне чувство стыда и неловкости. Но, вместе с тем — я словно сделала следующий шаг к внутренней свободе.

А еще в очередной раз оценила свое воспитание. Точнее, тех людей, что были рядом, когда я выросла. Как оказалось, даже в сложнейших жизненных условиях я ко многому приспособлена, многое умею, а если чего ни разу не делала, то хотя бы имею представление. Например, та же стирка или приготовление еды. Меня воспитывала высокородная светлая эльфийка и вместе с тем — делились своим опытом и знаниями обычные люди и эльфы.

— Что это у тебя висит на шее? — спросила Мика, сидя на корточках и скребя песком по грязной рубашке.

Я инстинктивно прикоснулась к цепочке с медальоном, которую не снимаю с детства, и мешочку с бисерными нитями — подарку Нисы. Погладила, чувствуя, как на душе сразу становится светло и тепло при мысли о дриаде и маме.

— Это медальон с портретами моих родителей. А это подарок от подруги и наставницы, она принадлежит к лесному народу, воспитывала меня и с детства обучала целительству. А еще научила охотиться, метко стрелять и делать луки из подручных средств. Да много чему научила! Ее зовут Ниса.

Мика улыбнулась и весело добавила:

— Питаться подножным кормом тоже она научила?

Брызнула на свою новую подружку водой, смеясь:

— Ниса научила выживать в лесу и, как видишь, мы еще живы и не похожи на скелеты.

— Да уж, раньше я выбирала лишь вид мяса, которое хочу съесть либо положить в похлебку или кашу, а теперь молчком жую грибы, толченую кору и вообще — скоро зайцем стану.

В голосе «вечно голодной» Мики звучала ностальгия.

— Не переживай, скоро доберешься к своим и тогда снова будешь сытой.

Сочувственно погладила бедняжку по обнаженному худенькому плечу и удивилась, когда оборотница, не раздумывая, потерлась об костяшки моих пальцев щекой. Прополоскав одежду, развесили на ветках деревьев сушиться, а сами пошли в каменку прогреться в последний раз. Здесь, благодаря сухому теплу, волосы высохли неожиданно быстро, и когда мы надели длинные рубашки из фактически украденного мной рюкзака убитого парня, нам было вполне тепло и комфортно.

После нас в баню пошли гномы. Правда, Хема с собой не взяли — в каменке и для них места мало. А после того как мужчины закончили и в одних штанах присоединились к нам возле костра, я пошла отмывать Хема. Мои «портянки» уже подсохли, поэтому разложила их на горячих камнях бани, чтобы потом завернуть в них малыша, пока будет сушиться его одежда.

Снова расслабляющее тепло каменки, и на этот раз мы вдвоем с Хемом. Рубашку снимать не стала — мочить ее, конечно, не хотелось, но и раздеться перед мальчиком я бы не смогла. А вот разглядывать похудевшего за эти недели демоненка было до боли тяжело. Маленький, грязный, плечи обещают стать широкими, но сейчас жалко торчащие косточки и лопатки вызвали желание обнять его и в то же время покусать любого, кто обидит.

Оказалось, у него на шее тоже висит медальон на короткой цепочке, и когда мы вышли к речке скоблится песком, я не смогла сдержать любопытства и взяла небольшой кругляшок в

руки. Хем тоже низко наклонил голову, чтобы рассмотреть.

— Кто тебе его дал, Хем? — тихо спросила я.

— Азарэль! Она сказала, что это *его* подарок лично мне. Моя путеводная звезда, — спокойно ответил мальчик, а у меня сжалось сердце.

— Почему ты зовешь ее Азарэль? Хлоэль говорила, что она — твоя мать, — возразила я, хотя почти догадалась, что услышу в ответ.

— Я ей — никто! Она так сказала, когда я спросил, можно ли мне называть ее мамой. Я знаю, у других детей есть мамы, а у меня — нет. Азарэль сказала, что у меня — только отец.

Я застыла на берегу, упершись в песок коленями, пока слушала, а после прижала Хема к себе, погладила по отмытым черным волосам. Мальчик снова, уже почти привычно, потерся шишками о мое плечо. Обнял крепко и неожиданно сильно и попросил:

— Хель, а можно я буду тебя называть мамой?

У меня по щеке поползла слеза, я еще крепче обняла его, прижала к себе и шепотом спросила:

— А ты правда хочешь, чтобы я стала твоей мамой?

— Больше всего на свете! — так же тихо прошептал он в ответ.

Мне захотелось тут же крикнуть: «Конечно!»

Но у Хема есть отец. Теперь я немного представляю, какие они — демоны, поэтому опасаясь давать мальчику обещания. Как бы там ни было, а ребенку в такой ситуации нельзя врать или давать пустые обещания.

Пришлось осторожно предложить:

— Хем, давай сделаем так. Мы доберемся до места встречи с твоим отцом. Если нам повезет и он все еще будет там ждать, тогда мы и решим, как жить дальше. А если не найдем его, тогда я стану твоей мамой. Согласен?

Он немного отстранился от меня и, ловя черными полными глазами мой взгляд, требовательно спросил:

— Обещаешь?

— Клянусь!

Он расплылся в такой счастливой улыбке, что защемило сердце. Потом мы еще раз прогрелись, снова помылись, а потом, пока он грелся и сушился, я выстирала детскую одежду и расстелила на горячих камнях каменки. Не пройдет и пары часов, как вещи высохнут. А пока одним куском ткани обмотала чистенького демоненка вокруг пояса, а вторым — обернула плечи. Возле костра и рядом со мной не успеет замерзнуть.

— А давай посмотрим, что внутри твоего медальона? — предложила я, чтобы унять собственное любопытство, едва мы закончили с одеждой.

Оказалось, что не одна я такая любопытная. Откинула за спину гриву серебристых волос, и мы оба, чуть ли не высунув в предвкушении языки, склонились над безделушкой. И принялись в четыре руки обследовать занятую вещицу в поисках открывающегося механизма.

На крышке медальона, посередине, было изображено пламя, вырывающееся из сомкнутого кулака. Видимо, семейный герб отца Хема — хоть какая-то зацепка для будущего поиска. Мальчик пальчиком погладил рисунок и надавил сильнее. Крышка откинулась — и наружу маленьким ураганчиком вырвался небольшой, но яркий светлячок. Сопровождаемый изумленными охами и потрясенными взглядами огонек заметался над нашими головами, уходя по спирали вверх, затем спустился и завис над нами.

— Ух ты! — раздался голос Мики за нашими спинами.

— Магический! — добавил Дорг.

— Похож на ведуна! — задумчиво произнес Мерит.

— Ведун? — недоуменно переспросила я, оборачиваясь к гномам.

— Ведун от слова «ведет», — пояснил старший.

— Путеводная звезда... — протянула я, внимательно разглядывая светлячка.

Казалось, чем дольше он висел над Хемом, тем ярче и увереннее светил. Понаблюдав еще немного за чудесным светлячком, мы вернулись к костру. Смеркалось, тени медленно выползали из-за деревьев.

— Почти высохла, — заключил Севас, проверив выстиранную одежду. Но пока ночная прохлада не беспокоила, мы решили, что лучше пусть просыхает как следует.

Любуясь пламенем костра, сытые и довольные, мы по очереди пили отвар, который я заварила в опустевшем котелке, и беседовали.

— Думаю, мы все понимаем, что совместный путь подошел к развилке, где каждый из нас должен решить, куда ему свернуть. — Мерит решил озвучить то, что тревожило всю нашу разношерстную компанию.

Гном обвел нас внимательным взглядом и, заметив в глазах, направленных на него, молчаливое согласие, продолжил:

— С территорий арути мы, слава всем богам, убрались, хотя, в любом случае, советую вам быть осторожными и внимательными. Жизненный опыт подсказывает, что в такое время, как сейчас, все на взводе, особенно люди. На их земли напали, многих пленили: сами видели, как арути вырезали целую деревню... Это как камень в воду бросить: непременно пойдут круги — все больше и дальше. Люди мнительны, начнут всех подозревать, слухи вызовут общее напряжение, возмущение, а то — и стихийные расправы над неудобными. И первыми под горячую руку попадут представители других рас, особенно тех, с которыми отношения и так напряженные.

Мерит выразительно посмотрел на нас с Хемом, явно намекая на то, что светлые и темные эльфы с людьми ведут себя крайне невежливо, а уж демонов вообще все боятся и ненавидят.

— Как ни старайся, хвосты и клыки не спрячешь... — устало констатировала я.

— Ты права, Хель, — вздохнул Мерит. Он давно уже начал называть меня как женщину. — Но можно быть хотя бы более осторожными. Прежде чем войти в деревню, смотрите, как на вас на подходах реагируют. Если спокойно и доброжелательно — можно заходить, если сразу ненавистью во взгляде одаривают, то лучше кору с деревьев есть, чем на ближайшем столбе висеть или на костре сгореть.

— Хорошо, Мерит, я поняла. Так мы что, уже расстаемся?

— Нам к своим надо, — вступил в разговор Дорг. — Севас — последний из моего рода, и его мать, моя сестра, с ума сойдет, если лишится сына. Не думал, что этот простой по первости поход таким ужасным окажется, вот и взял племяша с собой. И пойдём мы на северо-запад. А тебе с Хемом на юг, к своим, идти надо. Вот наши пути и расходятся.

Я понимала, что постоянно путешествовать вместе мы не можем, но расставаться вот так скоро все равно было страшно. Ведь с момента пленения я все время находилась под неусыпной защитой гномов. Мерит и Дорг принимали решения, думали о мелочах, даже из цитадели арути выводили нас они. Более чем уверена, что мы с Микой просто жались бы в углу трясясь от страха, или, как остальные, выбежали бы наружу под стрелы или попали бы в

самую гущу бойни.

— А как же я? — выдохнула Мика, заметно растерявшая упрямство и строптивость, со страхом переводя взгляд с одного гнома на другого.

— Где расположены земли твоего клана? — спросил Мерит.

— Несколько дней пути к югу, — Мика закусила губу и уткнулась взглядом в землю.

Я положила ладонь на ее руку, которой она опиралась на землю, и, стараясь, чтобы в голос не просочились грустные нотки, весело сказала:

— Значит, вместе пойдем, подружка!

— Чудненькая компания — темная, оборотница и демон. Прямо тройная радость для деревенских палачей, — выдала Мика, подняв на меня слегка повеселевший взгляд и озорно прищуривав узкие темные глаза.

Гномы укоризненно покачали головами, но заулыбались. Побрившись, наши спутники выглядели непривычно. За несколько недель плена их бороды основательно отросли, но сейчас все старательно привели себя в порядок при помощи одного-единственного трофейного ножа.

Этот момент я тоже решила уточнить:

— А как нож делить будем?

Мика вцепилась в свой котелок со словами:

— Это — *мое!*

Гномы заржали, аки лошади, я тоже не удержалась от смеха. И даже Хем, пригревшийся в моих объятиях, заулыбался, вряд ли соображая, чему и зачем. Наверное, просто потому, что мальчику хорошо было сидеть рядом со мной, в тепле костра и в этой компании, хоть он уже и начал всю зевать и клевать носом.

Дорг махнул рукой и ответил:

— Забирай, Хельвина. Вам с Хемом нужнее, а мы по дороге еще найдем. Благо наш путь пока пойдет через более населенные территории, чем ваш.

— Почему ты так считаешь? — поинтересовалась я.

— Люди побаиваются селиться рядом с нами, — пояснила Мика. — Оборотни-самцы уж больно до женщин охочи! От подобных союзов рождаются дети, поэтому наши часто людских женщин к себе берут. Правда, живут полукровки гораздо меньше, чем мы, но в любом случае — это не преграда для влюбленных оборотней, которые слова «нет» не понимают.

Последние слова она произнесла с горечью, подсказавшей, что знает об этом из собственного опыта.

Севас снова сходил проверить нашу одежду — и вскоре мы с удовольствием облачались в чистые сухие вещи и устраивались на ночлег.

Я какое-то время лежала, любуясь путевым светлячком, который замер над Хемом. Его свет не мешал и не раздражал — скорее успокаивал. Так под его мерцание и задремала, прижавшись к теплой спинке Хема.

* * *

Восемь высоких сильных мужчин, тенями скользнув между деревьев, вышли на участок дороги, где валялись разлагающиеся и уже порядком растащенные и обглоданные лесным

зверьем трупы эльфов, гномов, людей и арути. Затем, морщась от витающего вокруг запаха, выстроились полукругом и прочесали местность.

От их внимательного взгляда не укрылась ни одна деталь кровавого побоища, что случилось здесь несколько недель назад. Разграбленные повозки сиротливо стояли, перекрывая дорогу — похоже, тут уже много дней никто не проезжал.

Мужчины добрались до обоза светлых, который без труда узнали по двум каретам с гербами на выломанных дверцах. Двое следопытов, выделяющиеся ярко-красными волосами, поводя носами, исследовали оба транспортных средства и доложили остальным:

— Наследник ехал в обеих каретах, меняя их по очереди — след остался. Из передней его вытащили или вытолкнули — есть запах на земле, он тут лежал...

— А где в это время была его мать? — спросил огромный мужчина с темными с фиолетовым отливом волосами, заплетенными в сложную косу.

Красноволосые вновь прошлись вдоль обоза светлых, внимательно отмечая все детали.

— Ее запах есть, но лишь остаточный. Здесь не было ее вещей и ее самой тоже. Скорее всего, запах матери просто остался на мальчике.

— Сюда подойдите, — позвал четвертый мужчина.

Он склонился возле кучи из нескольких трупов. Судя по одежде и скелетам — три светлых эльфа. Двое из них лишились голов, а остальное звери уже почти растащили по частям. Одну из женщин точно ударили копьем — спина трупа слегка прогнулась назад.

Остальные семеро снова принялись рассматривать многочисленные останки арути, эльфов, среди которых были те два женских трупа, и мысленно восстанавливали общую картину произошедшей здесь трагедии.

Один из мужчин — золотистый блондин — почесал лоб между внушительными, загнутыми назад витыми рогами и, сощурился глазами теплого светло-карего цвета, присел рядом с женским трупом, пронзенным копьем.

Повел носом, поморщившись, потрогал обрывки платья и произнес:

— Светлая. Это она сопровождала наследника. И, судя по всему, проводила с ним много времени — вся пропахла магией Владеющего. Азарэль, похоже, скинула наследника на няньку, бросила без защиты и охраны, решив, что сие сойдет ей с рук. Редкостная тварь.

— Я это уже и без тебя понял, — мужчина с фиолетовой косой бесстрастно прервал блондина. — Сейчас меня интересует лишь один вопрос: где наследник?

В разговор вновь вступил один из красноволосых:

— Светлые положили много арути, но, видимо, отряд полуящеров был многочисленнее. Как обычно, забрали лошадей, пленных и увели к себе. Светлых они не переваривают, вот и порубили на месте. Я насчитал много следов, оставленных пленными — в основном людьми и гномами из второго обоза. Мальчишка следовал в обеих каретах, но в первой дольше всего, и там три разных запаха. Один принадлежит этой убитой: она, без сомнения, была нянькой наследника и сопровождала его до места встречи. Я нашел в карете плащ мальчика, на нем остался запах еще двух женщин — похоже, светлых. Думаю, они из дипломатической миссии — дочери или жены кого-то из них. Я проследил по запаху — они точно успели сбежать в лес, одну из них тащила за собой другая светлая. На кустах осталась их кровь и обрывки одежды. Так вот, эта другая укрыла подругу вьюном, а потом зачем-то вернулась назад. Загадочная незнакомка.

Мужчина с распущенными серебристо-серыми волосами чуть ниже пояса подошел к своим спутникам, держа в руках разорванное, заляпанное кровью платье, и доложил:

— Я тоже проследил ее путь. Женщина вернулась к раненому светлomu, и она — целитель. Из-под него натекло много крови, но она подлатала его. Позже эльф ушел лесом вместе со второй светлой. Затем наша загадочная незнакомка под телегами пробиралась к тому месту, где стояли остальные пленные. Я нашел ее платье под одной из телег. Она переделалась во что-то, а потом попыталась добраться до кустов. Ее ударили, о чем свидетельствуют пятна крови на песке... рядом со следами наследника. Он стоял чуть в стороне от прочих, и это наводит на мысль, что двигалась незнакомка именно к нему.

— Ты хочешь сказать, что светлая эльфийка, рискуя жизнью, пыталась добраться до демона, чтобы его спасти? — с недоверчивой кривой усмешкой переспросил владелец фиолетовой косы.

— Я лишь констатирую факты и читаю следы, глава, — пожав плечами, ответил мужчина с серебристыми волосами, протягивая платье.

Тот, к кому обратились как к главе, протянул руку и забрал вещь. Поднес к лицу, понюхал, нахмурился и пробормотал задумчиво:

— Молодая самка, и в ней явно есть доля крови темных сородичей.

— Я тоже так думаю, — кивнул собеседник, — поэтому арути ее не прибили прямо на месте. Возможно, она по виду немного отличается от светлых или, может, смогла их как-то обмануть.

— Наследник и эта непонятная дамочка оказались в плену у арути, — в унисон добавили красноволосые. — Если мы не вернем его, Владеющий наконец сотрет с лица Тирэя этих недоделков.

Глава еще раз понюхал замызганное платье загадочной полукровки, нахмурился, а потом неожиданно бесцветным голосом произнес, обращаясь к красноволосым:

— Сувааль, Керквааль, Азарэль должна умереть. Особо мучительно, я полагаю, учитывая ее отношение к наследнику и своим материнским обязанностям. Затем будете ждать нас в оговоренном месте.

После этого восемь мужчин разделились: двое красноволосых скрылись в одном направлении, а шестеро других рысью рванули по следам арути и их пленников.

* * *

— Апчхи! Дайте мне только добраться до своей стаи, эти людишки дорого заплатят за наше унижение, — гневно прошипела Мика, глядя в щель амбара. Не выдержала и в очередной раз громко чихнула.

Оборотница уже полчаса яростно терла глаза и нос, не в силах унять чихание и зуд. Стоило нам появиться в небольшой деревушке, чтобы попроситься на ночевку, как местные жители высыпали на улицу и закидали нас турками — рыбьими воздушными пузырями, заполненными смесью перца и различных пахучих травок, которыми обычно отваживают хищников, повадившихся воровать домашнюю живность — птицу да овец.

Что поделаешь — издалека видно, что мы не люди: слишком характерные у всех троих признаки, отличающие нас от людей. Я шла с гордо поднятым хвостом, помахивая им из стороны в сторону, Мика двигалась с нечеловеческой — звериной — грацией, постоянно шевеля своими смешными, высоко расположенными ушками. Ну, и для полного комплекта — Хем с хвостиком, и рога вот-вот пробьются. Как верно недавно заметила оборотница —

весьма примечательная троица. А чуть впереди нас яркой звездочкой летел над землей светлячок-ведун.

В общем, воспользоваться советом Мерита — на подходах к деревне выяснять, как на нас отреагируют, — не успели: в нас полетели турки. Мика, заливаясь слезами, отчаянно шмыгая носом и чихая, недовольно шипела, а вскоре закашляла. Мы с Хемом успели закрыть носы, я сорвала с головы свою косынку, а Хем воспользовался тряпицей-портянкой. И теперь старались дышать через раз.

Агрессивность местных жителей заставила свернуть с дороги и без оглядки бежать огородами прочь, а в спину нам неслись ругань и улюлюканье, подстегивая нашу прыть. Пришлось прятаться в подвернувшемся амбаре, пока несколько парней и мужиков проверяли, покинули ли мы их территорию. Как раз сейчас парочка преследователей с вилами наперевес удалялась от нашего укрытия, да еще громко обсуждала свое отрицательное отношение к оборотням, и вообще — иным! Мерит в очередной раз оказался прав: арути спровоцировали волну недовольства и всколыхнули расовые предрассудки.

Три дня назад, попрощавшись с гномами, я печалилась из-за расставания, теперь же ощущала страх. Первая деревня на пути — и такой прием. Да, пусть она расположена слишком близко к землям арути и оборотней, которые, если судить по Мике, те еще соседи, но сразу кидаться на встречных с вилами...

«Бум, бум, бум...» — раздался монотонный стук рядом со мной.

Повернула голову и с недоумением уставилась на Хема, который стучался лбом о шершавую доску: наверняка решил почесать шишки на месте будущих рогов.

— О-о-о, рогатый, как ты меня достал! — недовольно закатывая глаза, прогундосила Мика.

— Мика, это ты меня достала! — прошипела я, порядком устав их разнимать.

— Да он так громко стучит, что скоро сюда вся деревня сбежится! — возразила страдальца в свое оправдание.

— Ты своим чихом еще больше привлекаешь внимание, но мы же молчим, — уже более спокойно ответила я.

— Да я вообще молчу, — выдавила оборотница и опять громко чихнула.

— Заметно! — тут же ехидно поддела я Мику.

Люди вскоре ушли, и вокруг стало тихо, только куры сновали по амбару, да недовольно клекотал петух. Неожиданно позади нас зашумели крыльями потревоженные птицы, я обернулась и обнаружила, что пока мы с Микой переругивались, Хем исчез из поля зрения. В панике огляделась и увидела пропажу — Хем стоял посреди амбара, держа в руках довольно жирную курицу с безжизненно повисшей набок головой.

— Хель, а я нам курицу поймал на обед! — довольно улыбаясь, сообщил мальчик.

Я же в ступоре смотрела на окровавленную куриную шею. Мальчику шесть лет, а он головы сворачивает на раз-два.

— Молодец, демоненок, хоть какая-то от тебя польза, — весело ухмыляясь, похвалила Хема Мика, а потом добавила уже для меня: — Глядишь, из парнишки выйдет толк!

Хлюпая носом, она выхватила из рук Хема курицу и закинула в валявшийся неподалеку старый потрепанный рогожный мешок.

Потом деловито заглянула в другой мешок, стоящий возле двери и чем-то наполненный, зачерпнула оттуда ладонью зерна, проследила, как оно сыплется сквозь пальцы, понюхала и заключила:

— Тоже пойдет! Голод не тетка — съедем, — ссыпала находку в котелок и засунула все в мешок. Потом подумала и добавила еще зерна, пробормотав. — Про запас.

Демоненок тем временем подтащил к ней корзину, в которой лежали очистки вперемешку с небольшими картофелинами. Мика споро выбрала всю целую картошку и отправила, похоже, в уже ее личный, мешок.

— Умница, Хем, такими темпами ты скоро заставишь меня изменить мнение о себе, — весело сказала оборотница.

Мальчик тут же поднял ко мне счастливую и гордую мордашку. Я, испытывая муки совести, выдохнула:

— Мика, ну так же нельзя! Это воровство в чистом виде! А ты еще Хема поощряешь.

Демоненок нахмурился, перебирая пальцами свернутую в несколько колец веревку, которую подобрал возле столба.

— Хем — молодчина. С голоду не помрет в тяжелый год, а вот ты, со своими светлоэльфийскими замашками, того и гляди — сама сгинешь и ребенка угробишь. Ты не у себя в поместье, Хель. И заметь, мы ничего плохого этим людям не сделали, а они на нас с вилами и турками кинулись. Хем — ребенок, мы — женщины, а я еще и беременная, а они... Разве это правильно? Так почему бы нам самим не взять немного зерна и эту картошку, которую они все равно курам отдадут? — Мика выразительно шмыгнула носом и потерла глаза, оправдывая свои действия. — Хотя бы в качестве компенсации за ущерб, причиненный здоровью. Мы мирно шли и ни на кого не нападали... Даже в мыслях не было...

Я все понимаю, но воровать... Мое воспитание буквально кричало о недопустимости подобных поступков, но разум, в такой сложной житейской ситуации, полностью соглашался с Микой. Сейчас по-другому не выжить, и не последнее же мы забираем. Да и полные глаза Хема выворачивали душу наизнанку: он явно расстроился, что я не одобрила его действия. Отбросил веревку и, подойдя ко мне, обнял за талию и уткнулся носом в живот.

— Ты у меня молодец, Хем, — Мика права. Хотя позже мы поговорим, когда можно брать чужое, а когда — нет, — выкрутилась я, поглаживая черные вихры мальчика.

— О-о-о, Хельвина, прекращай играть в порядочную мамочку. Нам надо отсюда убираться.

Злобно рыкнула на Мику, чувствуя, как смущение заливает щеки, подтолкнула Хема к выходу и, подхватив мешок с нашей добычей — беременным тяжелое носить нельзя, — шагнула следом. Светлячок рванул за нами, только теперь он парил на уровне плеча Хема, словно знал, что привлекать к нам внимание нельзя, а может, просто хотел быть ближе к мальчику.

Мика, снова чихнув, неожиданно схватила курицу, которая имела глупость близко пробежать рядом с нами, и одним ловким движением скрутила ей голову. Я промолчала: одной курицей больше на моей совести или меньше — уже не играет роли. Правда, самое странное — уже на выходе, заметив маленький, удобный в путешествиях, топорик, не удержалась и забрала с собой. Поймав ехидный взгляд усмехающейся Мики, почувствовала, как краска стыда и смущения заливает не только лицо, но и шею.

Да уж, благодаря этому путешествию я изменилась, причем кардинальным образом. Особенно моральные принципы. Как говорится, с кем поведешься... А у меня в спутниках — оборотница и демоненок!

— О-о-о, пахнет просто божественно, — протянула Мика, глубоко, с благостным видом вдыхая запах будущей куриной похлебки, кипящей в котелке.

На всякий случай мы ушли подальше от недружелюбной деревеньки, чтобы посреди ночи кто-нибудь на вилы не насадил, и теперь кашеварили.

— Ладно уж, сыпь давай, демонское отродье, — с наигранным недовольством скомандовала Хему Мика, видимо, удовлетворившись готовностью курицы.

Мальчик осторожно зачерпнул в ладошки пшеницы из мешка и кинул в бурлящий куриный бульон.

— Эй, осторожнее, а то перевернешь же... — опять привычно зашипела Мика, щуря все еще слезящиеся после турки, а сейчас еще и дымом костра разъедаемые глаза.

Несмотря на нелюбовь к Хему, девушка при каждом удобном случае незаметно учила мальчика чему-нибудь полезному для выживания. За время наших скитаний Дорг научил мальчика правильно складывать костер, чтобы дымок стелился по земле, а не устремлялся высоко в небо, привлекая внимание нежеланных гостей. Мерит рассказывал притчи и сказки, помогая ему делать верные выводы из услышанного. Старый гном и Севаса, и меня, и Хема — всех учил житейским премудростям.

Мика тоже, правда нехотя, делилась своими знаниями и опытом. Как бесшумно ступать, распределяя массу тела таким образом, чтобы скользить по земле ночным призраком. Смотреть не только под ноги, но и успевать бросить взгляд на верхушки деревьев — иногда опасность подстерегает сверху, а не поджидает внизу. Да и пища в виде тех же птичьих яиц может порадовать в раскидистых кронах.

Еще час назад, пока я готовила костер, Мика учила Хема ощипывать и потрошить тушку курицы, затем громко отругала за то, что он бросил внутренности под кустом. Пригрозила, что если на запах крови из кустов выйдет какой-нибудь хищник, она демоненка спасать не будет. Уверена, после такой выволочки мальчик точно наставления оборотницы никогда не забудет. Да и сама я теперь с опаской посматривала на тени, падающие от ближайших деревьев. Мало ли кто из темноты появится...

А сейчас они вдвоем варили похлебку. Мика шаг за шагом показывала, как готовят в походных условиях. Вот и воровать необходимое для выживания тоже оборотница научила, причем и меня тоже. Хотя то, с какой легкостью эту науку осваивал Хем, говорило о природных или, точнее, врожденных способностях... Заставляя задуматься о его расе в целом, учитывая предупреждения Мерита и Дорга.

Вытащив из мешка три деревянные ложки, подошла к ручью сполоснуть, заодно и самой умыться да вымыть руки. На небе уже появилась луна, и сейчас тонкий серп отражался в темной глади воды в небольшой заводи, образованной парой крупных камней и корнями старого дуба.

Закончив, неожиданно поймала в воде свое отражение, по которому все еще пробегали маленькие круги. Оказывается, я похудела: черты лица немного заострились, а большие глаза стали выделяться еще сильнее. Они немного светились в сумерках, не так сильно, как у Мики, но все же заметно. Серебристые волосы светлым пятном выделялись на фоне темнеющего неба. Пока готовили, я сняла жилетку, и сейчас в расстегнутом вороте рубахи виднелись тонкие косточки ключиц, ставшие более заметными из-за потери веса. И так

стройная, теперь я казалась до боли хрупкой, тонкой и, в голубоватом свете луны, — словно призрачной. А учитывая природную бледность кожи, меня можно запросто принять за призрак. Дожила! На неупокоенную эльфу похожа стала.

— Хель, ты там скоро? — позвала Мика.

Кинула камешек в свое отражение, оно расплылось, а я пошла к костру.

Наевшись от души, часть похлебки оставили на завтрак. Потом, устроившись спать, лежали и смотрели на звезды. Светлячок по своей яркости сейчас пытался соперничать с ними и по-прежнему висел над демоненком, невольно привлекая к себе мой взгляд.

— Как долго еще добираться до твоей стаи? — спросила Мику.

Девушка помолчала немного, потом ответила:

— Еще дня три. Я думаю...

— Не так уж далеко от арути, — тихо прокомментировала ее ответ.

Хем, расслабившись, сонно засопел у меня под боком. Сытому, уставшему за день ребенку мы совсем не мешали разговорами.

— Да... — так же тихо, бесцветно ответила девушка.

— Тебя где-то здесь поймали? Или напали на вашу стаю? — осторожно поинтересовалась я. Уж очень не хотелось бы вступать в семейные распри оборотней.

— Нет! Когда я сбежала от Керина, отправилась на север, в человеческие земли. Это совсем в другой стороне. Я знала, что отец сразу выдаст меня мужу, потому рванула в противоположную сторону.

Переваривая ее слова, я изумленно спросила:

— Так ты сбежала от мужа? Керина? Но почему?

Мика перевернулась и легла на бок, подперев кулаком голову. Черные волосы водопадом упали на траву, а глаза еще сильнее засветились — она явно испытывала сейчас сильные эмоции.

— Я — единственная дочь, — в ее голосе слышались боль и горечь. — У меня есть два брата и куча племянников, но я — единственная самка в нашем роду. Представь, как меня баловали. И отец — альфа стаи. Привыкла получать все, что захочу. Когда выросла, думала, что стоит щелкнуть пальцем — и любой самец будет валяться у меня в ногах, умоляя стать его парой. Хотя, стоит признать, валялись многие, и какое-то время я считала это в порядке вещей. Пока не встретила *его*. Керин — альфа стаи, которая находится довольно далеко от нас. Если до наших территорий три дня пути, то туда добираться еще неделю. Земли Керина граничат с драконьими угодьями. Мы встретились меньше года назад, на ежегодной сходке стай. Нечаянно, в лесу на охоте. Я сбежала от своей охраны и напоролась на голодного медведя. Короче, Керин загрыз его и спас меня. А затем проводил к отцу и исчез.

Она замолчала, вновь легла на спину и устремила взгляд в небо. Сглотнула и потом еще тише продолжила, словно прямо сейчас заново переживала события своей жизни:

— Если бы ты знала Керина, поняла бы, что я испытала в тот момент, когда увидела его в первый раз. Та схватка с медведем навечно запечатлелась у меня в памяти. Он был похож на молнию — порывистый, яростный, страстный... А потом взял и исчез, не сказав ни слова. Я мучилась три дня. Сходка завершилась, и уже перед самым нашим отъездом он снова пришел, только не ко мне, а к отцу. Просил отдать меня за него. Я разозлилась так, что отказала, причем в очень резкой и обидной форме. Так же молча Керин снова исчез. Отец меня впервые сильно отругал, а я впервые в жизни плакала. И что самое смешное — из-за мужчины. Через неделю он снова появился в нашу стаю и предложил отцу за меня огромный

выкуп. На эти деньги отец мог бы выкупить самок для наших воинов, но я устроила истерику, и ему вновь пришлось отказать Керину. И вот что ужасно — я хотела его. Так сильно хотела, что зубы сводило, стоило только почувствовать его аромат. Какая же я глупая была! Эгоистка и вообще... дура!

Заинтригованная рассказом Мики, я подалась к ней и спросила:

— И что? Он отступился?

— Ты его не знаешь! — она горько хмыкнула и продолжила: — Через месяц к нам заявили трое самцов из его стаи — лучшие воины, мой отец о таких мог лишь мечтать. Так вот, они предложили себя в услужение на пять лет в дополнение к уже обещанному ранее выкупу за меня. Можешь себе представить, как надо уважать и ценить своего альфу, чтобы пойти служить к другому ради него? Отец не смог отказать от стольких даров и согласился. Через месяц меня забрали из родительской стаи. Перед этим мы с Керинем прошли свадебный ритуал: мама настояла...

— Да-а, упорный мужчина! — заметила я уважительно.

— Это точно! Упертый. Если чего захотел — значит, так и будет. — Мика улыбнулась, но печаль на ее лице отразилась. — После обряда Керин не позволил мне остаться на брачную ночь в стае. Мы уехали сразу, я вопила, ругалась, угрожала, а он молча перекинул меня через седло и повез к себе. А ночью на стоянке в лесу сделал своей, пока его волки охраняли нас чуть в стороне. Мне было стыдно, неловко, но он... он сделал все по-своему. Вроде как по-своему отомстил мне за все отказы. Наказал за непослушание, угрозы и неуважение.

— Он что, изнасиловал тебя? — потрясенно спросила я.

— Нет, — Мика резко мотнула головой, — он ни разу за все время не поднял на меня руку. Хотя многие говорили, что такую упрямую и ядовитую на язык самку, как я, высечь не жалко.

Последнее было сказано с мрачной усмешкой, и я мысленно согласилась с теми, кто так считал. Мика действительно частенько была невыносимо ворчлива и ядовита в своих высказываниях.

— И каким же образом он наказал тебя? — в некотором недоумении поинтересовалась я.

Мика снова помолчала, пожевала верхнюю губу, а потом выдохнула:

— Заставил умолять о близости. Довел до безумия, а потом оставил неудовлетворенной. Приказал попросить его сделать меня своей. Соединиться физически. У оборотней слух отличный, и каждый его воин это слышал. Слышал мой позор!

— Умолять о слиянии? Просить? — ошеломленно переспросила я.

Сложно представить, чтобы Мика умоляла о чем-то? Просила? Тем более, о близости. Я, конечно, видела животных в горячке спаривания, да и служанки вечно шептались по углам. При дворе Светлейшего Повелителя тоже много об этом говорили, но чтобы умолять...

Мика посмотрела на меня и, заметив искреннее удивление и непонимание, тихо засмеялась. Немного успокоившись, просветила:

— Ты — невинна. Этим объясняется твое удивление. Когда придет твое время, поймешь. Особенно, если встретишь своего избранного. Близость с любимым мужчиной ни с чем не сравнима.

— Тогда почему ты от него сбежала? — тут же отпарировала я.

— Я же говорю — дурная! — улыбка на лице Мики растаяла.

С тяжелым вздохом молоденькая влюбленная женщина поведала:

— Стоило мне взбрыкнуть, он вновь доводил дело до того момента, когда я умоляла его закончить начатое. И любить меня... В какой-то момент я забылась и попросила, чтобы он полюбил меня не только телом, но и душой. А он вновь промолчал, так привычно уже. Кто-то из самок в его стае слышал мои мольбы о любви, и наутро многие насмеялись надо мной. Сначала за глаза, потом в лицо. Неуважение — это оскорбление для главной самки стаи. Потому я не выдержала и в очередной такой раз при всех приказала ему сказать, что он меня любит. А если не скажет, значит, больше никогда не увидит меня и не дотронется. По глупости...

Она замолчала, и я заметила сверкающую капельку, скатившуюся из уголка ее глаза. Она молчала, а я боялась спрашивать, что было дальше — впрочем, догадавшись, чем закончилась история. Слишком гордый мужчина и слишком гордая женщина...

Мика заговорила первая, голос ее был глухим, словно в горле пересохло:

— Он вновь промолчал. Развернулся и ушел, а я так и осталась стоять среди тех злобных кумушек и слушала обидные, язвительные насмешки. Той же ночью собрала вещи и сбежала. А буквально через неделю на тракте меня поймали арути. Напали, избили и полуживую притащили к себе. Если бы не ты, Хель, я бы умерла, как и наши с Керинем малыши, — она повернулась ко мне и, протянув руку, погладила по щеке. — Я хочу, чтобы ты осталась вместе со мной в стае. Поверь, лекарю всегда и везде будут рады.

Я грустно улыбнулась, погладила Мику по руке, лежащей на моей щеке, согревая живым теплом, и ответила:

— А Хем?

Собеседница отняла руку, нахмурилась и сказала:

— Придумаем что-нибудь... В конце концов, немного потерпеть, пока он подрастет, можно без особых проблем. А там... пусть себе идет...

— Нет, милая. Куда Хем — туда и я. Я ему обещала и искренне полюбила мальчика. Он — мой.

— Ладно, об этом подумаем по ходу дела. Потом. Сейчас надо просто добраться до своих, — устало и беззлобно проворчала в ответ Мика.

Спорить с Микой не стала, твердо зная, что понятие «свои» у нас разное. В этом я уверена! Ну, и действительно, на данный момент главное — добраться до клана оборотней. Нельзя беременной Мике быть одной. Уже засыпая, услышала тоскливый шепот Мики, будто молитву:

— Хотя бы один-единственный раз увидеть его снова... прикоснуться... Керин...

А затем услышала подозрительное шмыганье носом. Непонятно — то ли она плачет, то ли это последствия перечной атаки продолжаются. Вскоре бедняжка затихла, и я уснула.

* * *

— Мы не можем вечно тут сидеть, Мика! — Я попыталась уговорить ее идти дальше.

— Эта турка отбила у меня все обоняние, уничтожила... Я не могу-у-у сейчас никуда идти, Хель, — почти прорыдала она.

Пострадавшая оборотница сидела на корточках возле реки и брызгала себе в лицо водой. Безрезультатно. Бедняжка никак не могла прийти в себя от шока, когда выяснила, что вчерашний инцидент с применением турки не прошел без последствий.

Накануне вечером мы дружно решили, что наутро Мике полегчает — заложенность носа пройдет. Но сегодня нас с Хемом разбудил ее отчаянный разочарованный вой — обоняние так и не восстановилось.

— Послушай, Мика, я же вчера проверяла: физических повреждений нет, значит, все придет в норму, просто нужно еще немножко подождать... А отсюда надо убраться, а то вдруг деревенские пойдут в лес и наткнутся на нас.

— Хотелось бы надеяться, но эти жалкие трусы, я уверена, еще долго будут сидеть по своим халупам. Сейчас я бы, не сомневаясь, вырвала парочке из них глотку.

— Мика, будь благоразумнее, нам такие приключения ни к чему. И мне неприятно слушать про вырванные глотки. Не забывай, что имеешь дело с магом жизни и целителем.

— Хель, ну к-а-а-к я такая пойду-у-у, а-а-а? — жалобно простонала Мика.

Я села рядом с ней, погладила по гладким черным волосам и тихо спросила:

— А что в этом страшного? Ты же не ноги сломала...

Мика закатила глаза, потом с некоторой долей раздражения ответила:

— А ты представь, что ты голая и слепая, а вокруг — толпа мужиков.

— Типун тебе на язык! — ужаснулась я.

Ничего себе предположение! Я от подобной перспективы непроизвольно передернула плечами. Жуть!

— Вот видишь! Для любого оборотня обоняние — это дополнительная пара глаз, ушей, лап... Да все! А главное — своеобразное оружие. По запаху можно узнать, что сделает враг, когда нападет, откуда нападет. Найти еду и определить, насколько та съедобна, обнаружить скрытые в лесу ловушки. Там, где живут люди, в лесу обязательно имеются ловушки, попав в которые легко сломать ноги, шею, и вообще, умирать будешь долго и мучительно.

Я даже содрогнулась от ужаса. Хем присел на корточки рядом с Микой и кончиком хвоста погладил ее по спине в качестве сочувствия.

В кои-то веки Мика с благодарностью приняла его знаки внимания, вяло улыбнувшись мальчику, но у меня ее улыбка вызвала прилив тепла и радости, поэтому, больше не раздумывая, согласилась:

— Хорошо, тебе виднее. Давай подождем здесь до завтра.

Мика с облегчением улыбнулась, задержала взгляд на мне и просительно выдохнула:

— А можно я тебя кусну?

Я отодвинулась от потянувшейся ко мне девушки.

— Мика, я не в том возрасте, когда регенерация происходит быстро. Ты только вчера чуть не осушила меня — надо подождать несколько дней.

Но та продолжала с вожделием смотреть на мою шею. Она уже который раз примеривается к ней, но я разрешала себя кусать только за кисть, опасаясь, что не смогу вырваться из захвата. С каждым днем жажда крови у беременной оборотницы все возрастала, и меня это пугало.

— Ну, чуточку... Хоть глоточек, — умоляюще заныла Мика.

Я опустила руку в воду и неожиданно брызнула ей в лицо. А потом рассмеялась, потому что ее узкие глаза превратились от изумления в круглые, совиные.

— Ты чего это? — спросила она с подозрением.

— В чувство тебя привожу, а то слишком любишь потакать своим желаниям, — весело ответила я.

Даже несмотря на вот такие трудности, с ней становилось все легче общаться. И уже

через минуту мы вдвоем барахтались в воде, в шутку пытаясь утопить друг дружку. Хем сперва носился по берегу и нервничал, но вскоре тоже, скинув курточку и ботинки, бросился в воду. Конечно же, вода еще не успела прогреться настолько, чтобы было комфортно для купания, но мы, неожиданно развеселившись, брызгались, «топились» и барахтались как маленькие дети.

На берег вылезли замерзшие, но довольные. Да-а-а, мы только с Нисой так веселились и баловались, а это, как сейчас казалось, было давным-давно.

Заново развели костер и развесили одежду сушиться на ветках. А сами уселись в одних исподних рубашках греться возле огня.

Мика вновь обратила внимание на мешочек у меня на шее и предложила:

— Ты говорила, там бисер для волос? Может, заплетем его в косы?

— А давай! — согласилась я, не видя в желании подружки ничего плохого: в принципе, я и сама уже давно хотела использовать подарок дриады по назначению, да только обстоятельства препятствовали.

Сняв мешочек, развязала тесемки и в первую очередь вынула мамин родовой перстень. Под любопытным взглядом оборотницы надела на палец, мысленно вознося молитву всем богам за то, что додумалась его туда спрятать, переодеваясь под телегой, а арути не стали обшаривать пленных, проверив только вещевые мешки.

Расстелила на траве косынку и высыпала на нее красивые разноцветные нитки бисера, сразу же заблестевшие на ярком весеннем солнце, вызывая восторг и подзабытое желание украсить себя. Еще раз мысленно поблагодарила дриаду за чисто женский подарок.

— А можно я возьму себе красные и голубые? — спросила Мика, осторожно поглаживая украшения пальчиками.

Мне остались желтые, фиолетовые и парочка зеленых ниток. Вспомнила, что Ниса считала их самыми подходящими к моим серебристым волосам.

— Бери, если нравятся, — добродушно разрешила я.

Высушив волосы, вплели эту красоту в косы, помогая друг дружке. По одной нитке — вдоль лица, две — на макушке, уложив косы в виде короны, а оставшимися тремя перевели свободный хвост, начиная от затылка и заканчивая узелком на концах.

— Ты выглядишь как озерная фея, — восхищенно выдохнула Мика, осматривая дело своих рук.

Озерные феи — одна из легенд Тирэя. Они прекрасны, как богини, и лишь единицы достаивались чести их увидеть. Хотя, по мнению поварихи Эльзы, эти феи просто-напросто топили тех самых «достойных», оттого и рассказывать об их лучезарной, но смертельной красоте некому.

Поэтому я лишь криво ухмыльнулась в ответ на сомнительный комплимент Мики. И все чаще ловила себя на том, что с огромным удовольствием улыбаюсь во весь рот, не боясь продемонстрировать темноэльфийские клыки. Стереотипы светлых слишком быстро потеряли для меня важность и незыблемость. Хотя это, если честно, радует: я полной грудью дышу свободой, и даже мысли о будущем больше не пугают и не давят. Кажется, теперь я со многими трудностями в силах справиться.

Мы обе вприпрыжку кинулись любоваться своими отражениями в водной глади. Улыбаясь, рассматривали в заводи то себя, то друг дружку, сравнивая и опять восхищаясь.

— Некоторые леди так украшают себя даже на светский прием к Повелителю, — заворуженно выдохнула я.

Сейчас я еще больше походила на мамин портрет. Серебристые волосы блестели на солнце, серые, почти прозрачные глаза сияли радостью и удовольствием, а пухлые губы, раздвинутые в улыбке, обнажали белоснежные зубы. Я смешно наморщила нос, а потом ткнула в отражение пальцем.

— Ну вот, а я еще собой не налюбовалась... — заворчала Мика.

— Поверь, ты — самая красивая женщина, которую я видела... — И на всякий случай уточнила: — Из оборотней...

Девушка расплылась в довольной улыбке, невероятно грациозно улеглась на берегу и, опустив ладонь в воду, мурлыкнула:

— И скольких женщин-оборотней ты видела?

— Пять! — хихикнула я.

Теперь уже в меня полетели брызги, заставляя с хохотом закрываться руками.

— А к нам кто-то идет, — неожиданно прервал веселье Хем.

Мы насторожились и прислушались, но вокруг слышались лишь птичьи трели да шум ветра в кронах деревьев. Мика усиленно поводила носом и скривилась в отчаянии — видимо, так ничего и не почуяла.

— Ты уверен? — заволновалась она.

Хем прислушался, потом неуверенно ответил, исподлобья глядя на оборотницу:

— Да! Прямо на нас, и их много.

Больше мы переспрашивать не стали. Мика рванула к костру и залила его отваром. Сунула котелок в мешок, туда же быстро затолкала все наши вещи, не утруждая себя одеванием — времени нет. И спрятала его под корни. В одних рубашках, не сговариваясь, мы рванули к ближайшему раскидистому дубу.

— Лезь быстрее наверх, — прошептала я Хему, толкая его под зад.

Мальчик вскарабкался на ветку, за ним я. Мика помогла нам забраться повыше. Царапая кожу на бедрах и локтях, я изо всех сил лезла на дерево, забираясь вверх и вверх. Глядишь, не заметят и пройдут мимо.

— Ш-ш-ш... — зашипела на нас Мика, призывая к молчанию.

Мы с Хемом сидели на одной ветке, и я своим телом прижимала его к стволу. Ведун привычно завис над нами, прячась среди листьев и ветвей. Мика стояла чуть ниже, настороженно прислушиваясь к происходящему внизу и внимательно глядя на поляну под нами, напоминая своим видом натянутую тетиву.

Буквально через пару мгновений к реке начали выбегать здоровенные волки. Оборотни! Нетрудно догадаться по их размерам — обычные волки гораздо мельче. Насчитала девять особей, заинтересованно обнюхивающих землю на месте нашего привала. Последний — десятый — гнал невысокую лошадку, навьюченную небольшой поклажей.

Неожиданно один из волков — черный, самый крупный из всех — остановился под нашим деревом и высоко задрал морду, высматривая нас среди ветвей. Жуткое зрелище! Крупный зверь с пастью, полной огромных острых зубов, поднялся на мощные задние лапы, упираясь в ствол дерева передними.

В ужасе затаив дыхание, я почувствовала, как напрягся Хем, и тут услышала всхлип Мики. Перевела взгляд на нее и в полном удивлении смотрела, как та села на ветку и уставилась, роняя слезы, на волка внизу.

Догадка мелькнула в голове, пока я вновь переводила взгляд на зверя под нами. А там, держась руками за ствол и по-прежнему не сводя с нас внимательных желтовато-зеленых

глаз, стоял уже не волк, а мужчина.

Остальные волки на поляне тоже меняли ипостась, вставая на ноги. Перед нами предстали десять не менее грозных мужчин, одетых в полотняные штаны и вышитые рубахи. Босые! Вот им точно не нужно забивать себе голову выбором походной одежды. Зачем им такая морока: стирай в дороге, да и при обороте думай, куда девать...

Все темноволосые, смуглые, узкоглазые, с высокими широкими скулами. Обратни сильно отличаются от светлых, с их строгими вытянутыми чертами лиц, но все равно внешне мне они показались довольно симпатичными. Мои странные мысли прервал глубокий рычащий мужской голос.

— Слезайте вниз! — слова прозвучали скорее приказом, нежели просьбой или предложением. Мика молчала, мы с Хемом и вовсе затаили дыхание.

— Мика, не слезешь — я сниму тебя сам. Выбирай! — снова прорычал оборотень.

К дереву подобралась остальные зрители и с большим любопытством рассматривали нашу троицу. А мне вспомнилась обещанная подружкой толпа мужиков. Настоящая жуть! И еще крепче вцепилась в ствол дерева, прижимая Хема. Не дай сила, упасть вниз прямо в лапы оборотням.

Мика уже не плакала. Неожиданно жестким голосом она спросила:

— Зачем ты здесь?

Мужчина сжал челюсти так, что желваки выступили и побелели, но ответил:

— Пришел за своей женой!

После его слов я больше с любопытством, чем со страхом уставилась вниз. Похоже, это тот самый Керин.

— Зачем, Керин? Ты получил от меня все, что хотел! Тело и душу, а взамен ничего не дал.

Он зло саданул кулаком по стволу, отчего я сильнее вцепилась в дерево, и прорычал:

— Я отдал за тебя все, что имел. Мои волки пять лет будут служить твоему отцу. Что я еще должен был отдать тебе, Мика?

— Да мне от тебя, кроме любви, ничего и не нужно было, Керин! Ты ни разу не поговорил со мной. Даже предложение делал моему отцу. Вот и живи с ним! — не менее злобно прорычала в ответ Мика.

— Родная, спустись вниз, и мы поговорим, — неожиданно устало попросил Керин, видимо, взяв себя в руки.

— Родная? — теперь пришла очередь его жены рычать. — А как ты меня назвал тогда, на площади, когда я просила тебя озвучить свои чувства? Глупая...

Снова удар по стволу — и на голову волка посыпались сухие ветки и прошлогодние листья.

— Ты несколько раз опозорила меня перед всей стаей, отказывала, ругалась, оскорбляла — я терпел. Ты не просила, ты приказала альфе стаи признаться в своей единственной слабости. Хотела и меня поставить на колени? У тебя не вышло. И ты сбежала, подвергла себя смертельной опасности. Это от большого ума, Мика?

Мужу, видимо, надоело препираться таким образом, и он, резко подпрыгнув, полез к нам. Я задохнулась от страха — с таким убийственным выражением лица он это делал, — а Мика заорала:

— Они несколько дней смеялись надо мной. Вся твоя стая унижала меня, презирала. Я просила твоей любви, умоляла о близости как недостойная шавка. А что в результате? Когда

я дошла до предела и поставила тебя перед выбором, ты отказался от меня. Как всегда — развернулся и ушел, не сказав ни слова. Ты не слышал, как надо мной потешались все ваши самки. Каждая из них прошла мимо меня, задевая плечом, не уступая дорогу. Мне — главной самке стаи! — высказали свое «фи». Так кто кого опозорил, Керин?!

До Мики Керину осталась пара веток, но после откровений подруги он вдруг замер. Посмотрел на нее желто-зелеными глазами и, прищурившись, глухо, недоверчиво спросил:

[Купить полную версию книги](#)